

5

выпуск

ISSN 2306-3122

**Социальная работа: теория, методы, практика
Материалы интернет-конференций и семинаров**

**Основные направления
профилактики и преодоления
социальных рисков
среди населения
Калининского района
Санкт-Петербурга**

**Материалы заочной дистанционной
интернет-конференции**

Том 1

Санкт-Петербург

2016

Периодическое издание.

Материалы интернет-конференций и семинаров.

Учредитель:

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение

«Городской информационно-методический центр «Семья»

Издание основано в 2012 году

Выпуск 5. Основные направления профилактики и преодоления социальных рисков среди населения Калининского района Санкт-Петербурга.

Том 1.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: И. А. Антонова, М. Б. Казакова, А.Г. Малышев, Г.В. Соловьева.

© Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение
«Городской информационно-методический центр «Семья»

© Авторы материалов

Содержание

<i>Григорьева ИА.</i> Особенности социальных рисков в городской среде.....	4
<i>Полетаева Н.М.</i> Профилактика последствий социальных рисков среди населения района крупного российского города.....	9
<i>Бондаревская Р.С.</i> Воспитание доброты – основа педагогики преодоления социальных рисков (на примере добровольцев Калининского района)	13
<i>Защиринская О.В.</i> Психическая травма как результат влияния трудных жизненных ситуаций.....	24
<i>Плетнев А. В.</i> Теоретические основы изучения и профилактики социальной аномии как источника социальных рисков (на примере Калининского района Санкт-Петербурга).....	33
<i>Котова С.А., Бекетов В.Ю.</i> Профилактика девиантного поведения в контексте социокультурного развития подростков.....	39
<i>Харламов В.С.</i> Современные тренды криминального поведения российских детей и юных петербуржцев.....	47

Григорьева Ирина Андреевна

доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

В современных социальных науках популярна концепция «общества риска», развиваемая известными социологами У. Бемом и Э. Гидденсом. Это не значит, что рисков стало больше, но значит, что сложившиеся институты социальной защиты устаревают на фоне роста требований к ним. Параллельно возможности государства снижаются, хотя государственные службы пытаются сохранить монопольное положение в производстве услуг.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Закономерно, что произошедшая в конце XX века в России деконструкция советской социально-экономической системы сопровождалась одновременно и нарастанием социальных рисков, и коренным изменением институтов социальной защиты. «Обязанности государства по отношению к правам граждан» перестали быть безусловными. Формирующимся в экономике рыночным отношениям больше соответствовал «принцип эквивалентности», как и в сфере социальной поддержки. Появление не свойственных прежней плановой экономике социальных рисков требовало новых инструментов их обеспечения. Вероятно, все это явилось причиной того, что в России 90-х в тех сферах социальной политики, где это было возможно, начали формироваться специализированные институты социальной защиты и организации, отвечающие за ее осуществление.

Изменения в современном обществе привели к изменениям в представлениях о социальных рисках, а также парадигме и характеристиках социальной защиты. Среди этих характеристик, пишет швейцарский социолог Б.Реневей, «можно выделить особую концепцию индивида и связи «индивид-общество». После периода стабильности данная концепция индивида начала трансформироваться, а вместе с ней и ряд характеристик систем социальной защиты. Западноевропейские индустриальные общества эволюционировали в сверхсовременные общества потребления. В этих сверхсовременных обществах, которые я называю обществами «ведь я этого достоин», системы социальной защиты основываются на иной концепции индивида, которая создает специфические проблемы» [Renevey, 2012]. В «обществе потребления» существует «сверхспрос» на защиту от любых рисков и сверхтребования к институтам социальной защиты.

Расширение требований к здоровью в XX в. привело к расширению сферы медицины, т. е. процессу медиализации общества. Медиализация проявляется в том, что человек все больше и больше включается в сеть медицинского сервиса, который, в свою очередь, постоянно расширяется [Фуко, 1998]. Близкую ситуацию мы видим и в расширении социальных сервисов в России и в росте их многообразия, вызванном попытками охватить и профилактировать все мыслимые социальные риски. Особенно это заметно в ориентированном на западную модель социальной работы Санкт-Петербурге.

Как показано многими исследователями [Григорьева, 2011; Чернышкова, 2012], адаптивные возможности человека чрезвычайно велики, если смена среды или типа взаимодействия со средой происходит не слишком быстро. При этом медицинская

помощь может наносить людям ущерб, связанный с некомпетентностью врачей, сложностью и многообразием медицинской техники. Институт медицины, как любая бюрократическая организация, заинтересованная в своем самосохранении, фактически добивается того, чтобы люди чаще ощущали себя больными. Осуждая самолечение, медицина передоверяет жизнь и здоровье каждого человека специалистам, что дезинтегрирует общество, разрушает автономию и доверие к себе. Особенно часто это происходит в больших городах, где спрос населения на медицинские услуги существенно выше, как и количество рисков, с которыми ежедневно сталкиваются горожане.

Формирование представлений о рисках, связанных с проживанием в большом городе, происходит еще в самом юном возрасте. Сначала в яслях и детском саду, когда детей не оставляют на улице без присмотра ни на минуту, затем в школе – когда «улица», несущая в себе массу очевидных и скрытых опасностей, жестко противопоставляется регламентированному пространству самой школы и дома. Желание «передать» ответственность профессионалам, будь то школьные учителя, врачи или другие эксперты, становится навязчивой идеей и единственным спасением для жителей города, не чувствующих себя защищенными и способными самостоятельно преодолевать собственные страхи и трудности. Однако именно эта неспособность к самостоятельности и противостоянию среде и является сегодня самым большим социальным риском для нового поколения.

Развитые современные государства, с одной стороны, «обложены» социальными обязательствами, с другой – страдают от сужения налоговой базы, поскольку глобальный бизнес все больше уходит на «Каймановы острова». Поэтому расширяются платные сервисы, и происходит коммерциализация социальной защиты. И если до 1990-х годов считалось, что социальные проблемы требуют большего вмешательства государства, то в настоящее время в большинстве развитых стран идет процесс либерализации государства и решения социальных проблем экономическими методами. Позитивной стороной этих процессов является рост рефлексивности изменений, как это называл Гидденс [Гидденс, 2000], т. е. осознания новой ситуации потребителями услуг. Но это может быть верно только для тех, кто работает, платит налоги и является сознательными гражданами.

Современное социальное государство, даже минимальное, как в России, с одной стороны, создает разные группы «зайцев», т. е. тех, кто пользуется услугами, но сам ничего не делает для возмещения этого общественного блага. Такая ситуация может быть вынужденной в силу реальных проблем с занятостью и формированием «прекариата» из молодежи, молодых одиноких женщин с детьми, людей предпенсионного возраста и др. Но существует и процесс «профессионализации клиента», когда длительно не работают трудоспособные взрослые, ожидающие активной поддержки государства и его включения даже на семейном уровне в производство и распределение благосостояния. В силу непрозрачности налоговой системы в России, концентрации финансирования «наверху» и доступности обслуживания процесс разрастания «слабых» групп или андеркласса шел очень быстро [Шкаратан, 2008; Григорьева, 2011].

Неолиберализация связана с тем, что для западных социальных государств, привычно финансировать основные функции благосостояния через налогообложение экономически активного населения. Для налогоплательщиков это

становится все более непрямым способом поддержания благосостояния, потому что эти деньги используются для обеспечения неработающих групп населения с помощью политических решений, на которые налогоплательщики влияют мало. Критика государства благосостояния и связана с тем, что «ответ» может быть «слишком далеко». Поэтому работающие граждане и бизнесмены кладут свои деньги в «большой кошелек» (государство), а ситуация постоянно меняется, становится менее предсказуемой именно для тех, кто деньги вносит. Доходы как зарабатываются, так и могут быть использованы частным образом, когда возможна ситуация, что «босс в своем собственном доме, а дом оплачен обществом». Получается, что богатые – с одной стороны, многолетние получатели пособий – с другой, а посередине – работающее население. Поэтому отношения между государством, правительством, гражданами, частными инициативами должны быть изменяющимися, гибкими и прозрачными. На значение фактора прозрачности, отсутствия «серых зон» между секторами общества обращают внимание многие социологи.

Было бы справедливо, если бы работники понимали связи между финансовыми взносами и целями, на которые они тратятся. Социальные отчисления должны быть видны налогоплательщикам и одобрены ими, чтобы риски уклонения от уплаты налогов возникали как можно реже. Гражданин в системе налоговых обязательств должен быть больше похож на вкладчика в системе коммерческого страхования, а не просто налогоплательщика, обязанного расплатиться с государством. По мнению некоторых специалистов [Molley, 2006], налоговые вклады граждан должны учитываться подобно персональным взносам в страховых системах. «Новая предусмотрительность» рассматривает граждан в качестве «активных вычислителей риска» и «риск-менеджеров», уполномоченных «осуществлять их собственные выборы» для повышения эффективности системы страхования или перераспределения. Современный бизнес в развитых странах становится более социально ответственным и также участвует в трудноучитываемых социальных затратах (обучение работников и поддержка их здоровья, общественные нужды и строительство жилья). Для реализации коллективных целей частными инструментами церковь и различные благотворительные фонды увеличивают участие в общественных делах [Schuit, 2001].

В таком индивидуализированном обществе, как показал автор термина «общество риска» У. Бек [Бек, 2000], необходимость в государстве благосостояния не исчезает, но ценности и парадигма оказания/получения помощи меняются. В новом понимании благосостояния частная жизнь граждан, некоммерческий сектор и структуры экономики снова становятся столь же важны, как и государство. В будущем благосостояние будет еще больше зависеть от каждого человека, а семья вернет себе роль «ячейки общества». Когда кто-то будет просить о помощи, поддержка будет осуществляться с участием традиционного триумvirата семьи, Церкви и государства, плюс частные организации и предприятия.

Необходимо отметить, что государственно-правовое регулирование ситуаций, в которых гражданин может нуждаться в различных формах социальной защиты, как то: потеря трудоспособности вследствие старости или болезни, социальное неравенство или отсутствие минимальных доходов – является не только совершенствованием механизмов социального государства, но и снижением роли

механизмов обычного права в пользу современных государственно-правовых норм и сопутствующих им бюрократических процедур. Это формальное признание того факта, что семья, соседство и другие неформальные сообщества в современных условиях не могут справиться с задачами социальной защиты своих членов или, по крайней мере, не могут обеспечить гарантированный и равный уровень такой защиты. Таким образом, бюрократизированные процедуры помощи в ситуациях риска – «холодная забота» – часто вытесняют «теплую заботу» непосредственного социального окружения.

Российское государство социологи стали характеризовать как фрагментированное, мозаичное. Так, В. В. Волков под фрагментацией государства понимает «процесс создания и количественного роста частных или автономных от государства организаций, использующих реальное или потенциальное насилие для извлечения дохода на территории, находящейся под формальной юрисдикцией российского государства» [Волков, 1998]. Естественно, что и социальная защита в РФ также носит мозаичный и несбалансированный характер и, по крайней мере, до 2015г. была основана на противоречивом сочетании принципов либерализма и патернализма.

Во-первых, «коллективные» льготы для определенных групп населения теоретически предполагали оказание «адресной» помощи на основании лучшей осведомленности представляющих интересы этих групп общественных объединений. Во-вторых, введение «коллективных» льгот рассматривалось как внедрение активных форм социальной политики, при которых граждане сами в той или иной степени обеспечивают свое социальное благополучие. В-третьих, «коллективные» льготы стали одним из аспектов формирования новой интегральной модели социальной политики, столь необходимой России, по мнению специалистов. Суть интегральной социальной политики заключается в дифференцированном воздействии на социально активных, динамичных и адаптированных к рынку людей, с одной стороны, и в социальном обеспечении социально уязвимых групп населения, с другой [Гонтмахер 2000]. За попытками построить адресную помощь на основе выделения и лоббирования интересов нуждающихся групп совершенно исчезла возможность оказывать индивидуализированную помощь конкретному нуждающемуся в этом человеку. Закономерность такого развития государственной социальной помощи отмечал известный немецкий социолог Н. Луман [Луман, 2001].

Менялось и само общество, и основные риски, что должно было сказаться на выборе приоритетов социальной защиты. Изменилась структура семьи, растет число монородительских семей и детей, рожденных вне брака; появились дети – «социальные сироты» и бездомные дети; резко ухудшилось здоровье населения, увеличилась заболеваемость инфекционными и «социальными» болезнями, снизилась средняя продолжительность жизни, а возраст дожития увеличился, следовательно, увеличилась и доля пожилых людей в обществе.

Отсюда вытекает быстрый рост потребностей населения в разных видах социального обслуживания, рост количества социальных сервисов и занятых в них людей. При этом российское «государство социальных услуг» декларирует свою ориентацию на нужды нуждающегося, малообеспеченного населения, что требует новых и новых затрат государства. С одной стороны, адресная направленность

говорит о том, что государство все же уходит от патернализма-универсализма, с другой – даже адресные обязательства государство выполняет далеко не в полном объеме. Пока нет оснований думать, что новый Закон РФ «Об основах социального обслуживания...» [Об основах, 2014] окажется более эффективным в борьбе с социальными рисками, чем прежнее законодательство.

Список источников

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

Волков В. В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // Политические исследования. 1998. - №5. - С. 39-47

Гонтмахер Е. Ш. Социальная политика в России: уроки 90-х. М.; 2000.

Григорьева И. А. Развитие социальной работы в российском обществе потребления// Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. - № 5; Чернышкова Е. В. Медико-социальные риски пролонгирования активного образа жизни пожилых людей // Фундаментальные исследования. 2012. № 3.

Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации (Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

Луман Н. (2001) Формы помощи в процессе изменения общественных условий. Пер. с нем. по изданию: Luhmann N. Formen des Helfens im Wandel gesellschaftlicher Bedingungen // Luhmann N. Soziologische Aufklärung 2. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft, 4 Auflage, Opladen 1991. S. 134-149. © 1975 Westdeutscher Verlag GmbH, Opladen.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. Дом НИУ ВШЭ, 2012.

Renevey B. Social Protection in Western Europe as an expression of civilizational characteristics: from industrial societies to “because I’m worth it” Societies // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. - № 6. С. 242-246.

O’Molloy P. Risk and Responsibility // Foucault and Political Reason / ed. by Barry A., Osborne E. and Rose N. London: UCL Press, 2006.

Schuit Theo N.M. Philanthropy and the diversification of the western European “welfare state” model. In: European Journ. of Social Work. 2001. Vol. 4, N. 11.

Обсуждение доклада И.А.Григорьевой

Станислав Владимирович Долгополов Вы пишете: "Развитые современные государства, с одной стороны, «обложены» социальными обязательствами, с другой – страдают от сужения налоговой базы, поскольку глобальный бизнес все больше уходит на «Каймановы острова». Поэтому расширяются платные сервисы, и происходит коммерциализация социальной защиты. Не могли бы Вы дать прогноз, к чему приведет коммерциализация социального обслуживания в нашем городе?"

Ирина Григорьева Спасибо за вопрос. Станислав Владимирович, прогноз дать трудно, пока город не спешит делиться своими клиентами с НКО. За исключением малоформатных домов-интернатов, там, напротив, меня удивляет, какие суммы готовы платить люди, чтобы сплавить своих пожилых туда. Вот их сеть быстро растет и пока насыщения не видно. Как бы то ни было, платной медициной у нас

пользуется большое число и пожилых, и взрослых. Естественно, этот рынок сложился не за день и не за год.

Павел Васильев Уважаемая Ирина Андреевна! Пожилые люди, особенно с деменцией или тяжелыми заболеваниями - это, не побоюсь этого слова, страшная проблема в жизни обычного человека, обычной семьи. Человек, которые не осознает (не всегда осознаёт) последствий своих поступков, человек, который не может о себе заботиться, когда работающих членов семьи нет дома, представляет собой просто невыносимый груз. С таким человеком кто-то постоянно должен находиться дома, то есть ограничиваются для ухаживающего или сводятся к нулю возможности занятости. Кроме того, уход за больным с деменцией - это чрезвычайно тяжелый стресс. Далеко не все люди и психически, и физически могут это перенести. Когда в семье есть такой человек, семья острейшим образом нуждается во внешней помощи. Такой помощью могут стать либо сиделки дома, либо те самые дома-интернаты.

Ирина Григорьева Уважаемый Павел, но ведь интернат интернату - рознь. Когда тема объявлений об интернатах, расположенных в нижних этажах жилых домов за 900-1000 р. в сутки, то вряд ли можно говорить о каком-либо уходе, тем более, за дементными больными. Сиделки дома бесплатно - это только для ветеранов ВОВ, хотя этот круг давно можно было расширить разными способами. На мой взгляд, это самое востребованное направление и семьи с такими пожилыми - самые нуждающиеся. Но озвучивание этой точки зрения вело обычно к неплодотворной дискуссии с нашим Комитетом. Я же не говорю о том, что внешняя помощь не нужна. Скорее о том, что она должна быть профессиональной! И вариантов оплаты или компенсации расходов семьи должно быть несколько, а не просто - платите сами, если не ветеран. А вот коммерциализация досугового обслуживания и, до какой-то степени, надомного, вполне реальна.

Поletaева Наталия Михайловна

доктор педагогических наук, профессор Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

В статье дано определение рисков, социальных рисков, приведены виды и закономерности их возникновения. Обосновано возникновение общества риска, соотнесено понятие кризис и риск, раскрыта сущность готовности человека к ситуации социального риска и показаны направления профилактики последствий социальных рисков, которые неизбежны при усиливающейся частоте социальных изменений.

ПРОФИЛАКТИКА ПОСЛЕДСТВИЙ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ РАЙОНА КРУПНОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

Под риском традиционно понимается возможность возникновения неблагоприятной ситуации или неудачного исхода производственно-хозяйственной, или какой либо другой деятельности, которые представляют угрозу жизнедеятельности человека. Социальные риски связаны с социальными кризисами, обусловлены внешними по отношению к человеку причинами, не зависят от воли

человека. К социальным рискам относят: экономические риски, политические, экологические, демографические, психофизиологические. В современном российском обществе существуют риски: безработица, маргинализация, вынужденная миграция, преступность, глубокое расслоение населения по уровню доходов, низкий уровень жизни, социальная дезадаптация, неблагоприятная экологическая ситуация и др.

Согласно теории развития сложных систем, в том числе и социальных (синергетика), кризис является закономерным этапом развития общества и отдельного человека. Государства, цивилизации, технологические уклады и т.д. возникают, развиваются, достигают вершины своего развития и, проходя период упадка, исчезают или кардинально изменяются. Каждый человек в своем развитии проходит через ряд кризисов, которые связаны с переходом в следующую возрастную категорию, с изменением социальной ситуации (переход на другую ступень образования, смена работы, переезд, развод и т.д.), кризисы мировоззренческие, связанные с изменением доминирующих ценностей, целей и представлений.

Современный этап социального развития общества характеризуется уплотнением периодов расцвета и упадка, частота возникновения кризисов, изменений в разных сферах жизни увеличивается и кризис становится не только обязательным элементом современной жизни, но и происходит все чаще; усиливается неопределенность, непредсказуемость жизни, сокращаются периоды стабильной ситуации. Кризис, а следовательно и ситуация риска, становятся системными характеристиками современного общества, что требует от человека готовности к изменениям, в том числе и неблагоприятным и способности их предвидеть и по возможности снизить уровень негативных последствий. Прогнозирование кризисов и ситуаций риска возможно, но является очень трудным в ситуации увеличения частоты изменений, непредсказуемости, случайности социально – экономических процессов.

Человек не успевает адаптироваться к одним изменениям, как уже возникают новые, усиливается темп жизни, увеличивается объем информации, интенсифицируются инновационные процессы. В современном обществе человек должен быть готов к непрерывной адаптации, к непрерывному развитию и самосовершенствованию. Рецепты, правила поведения, приводящие к успеху старшее поколение, уже не работают, да и те «правила игры», которые были еще вчера, сегодня уже могут устареть. Таким образом, встречи с социальным риском не удастся избежать большинству населения, надо быть готовым к трудностям и изменениям.

Помимо ускорения темпов развития и частоты наступления социально-экономических кризисов, признаком российского общества риска стало изменение ценностных ориентиров граждан:

повысилась значимость материальных благ при снижении ценности трудовой деятельности;

ощущение себя гражданином страны сменилось на желание быть человеком мира и выбирать наиболее благоприятные места для работы и жительства по всему миру;

в РФ снизилась доступность и ценность образования, уровень профессионализма не коррелирует с уровнем доходов и уровнем жизни;

снизилась вера в общественные институты, в медицину, СМИ, торговлю при увеличении доли инфантильно настроенных граждан.

Помимо потребности в пище, тепле, безопасности и любви, к базовым потребностям человека относят и потребность в понимании и справедливости, которые в ситуации широкого распространения манипулятивных технологий, не удовлетворяются, что приводит к кризису ценностей и смыслов жизни, а это в свою очередь влечет снижение иммунитета и «включение» самоуничтожающих моделей поведения.

Увеличение вероятности возникновения социальных рисков требует социальной поддержки населения: не только тех, кто уже в «зоне риска», но и тех, кто пока выглядит вполне благоприятным. В первом случае необходима социальная помощь, во втором – социальная профилактика. Человек, имеющий стабильную семейную и профессиональную ситуацию, легче преодолевает трудные ситуации, раны у победителей заживают быстрее. Формирование резистентности, устойчивости населения к неблагоприятным условиям жизни связано с помощью в профессиональном самоопределении и самореализации, с развитием готовности к самоорганизации в трудной жизненной ситуации – трудовой и личной жизни. Готовность человека к самоорганизации предполагает способность к самообразованию, самовоспитанию, творческой самореализации и самоутверждению. Система отечественного образования, к сожалению, не в полной мере решает перечисленные задачи. Семья, как среда первичной социализации, тоже не справляется с подготовкой человека к жизни в обществе риска. Анкетирование подростков Санкт-Петербурга показало, что проблемы семейных отношений занимают второе место в списке тревожащих факторов после проблем будущего. Родители современных подростков часто сами находятся на психическом уровне развития, соответствующем подростковому возрасту, заменяют любовь к ребенку материальным обеспечением, предъявляют высокие требования, часто конфликтуют. Таким образом, часто семья из места защиты и помощи, превращается в место психофизиологического риска для ребенка.

К основным направлениям профилактики негативных последствий социальных рисков населения района такого крупного города, как Санкт-Петербург, можно отнести:

- помощь в трудоустройстве и предоставление возможности всем категориям населения, включая подростков (не более трех часов) иметь разовые заработки за выполнение работ по благоустройству района;

- помощь в профессиональной переподготовке и самоопределении;

- диагностика не только явных, но и скрытых, психологических причин семейного риска;

- психологическое просвещение населения, создание не только клубов по интересам, но и психологических кафе (гостиных), где можно всем категориям граждан принять участие в обсуждении сложных жизненных ситуаций;

- поддержание престижности семьи, организация семейных конкурсов, праздников, помощь в трудных ситуациях;

- организация клубов общения, знакомств, досуговых мероприятий;

- обеспечение доступности для населения информации о проводимых в районе мероприятиях и предоставление возможности помочь нуждающимся людям.

Ключевая задача учреждений социальной защиты совместно с администрацией района обеспечить условия для формирования у населения устойчивости к

социальным рискам через собственное самосовершенствование, взаимопомощь и взаимоподдержку.

Список источников

Максимова В.Н., Полетаева Н.М. Социально-образовательная среда как фактор обеспечения безопасности и развития личности / Известия Российской академии образования. Научный журнал № 2(22). М.2012. – С.47-53.

Современные проблемы социальной психологии и социальной работы: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 23 марта 2016 г., науч. Ред В.В.Горшкова.- СПб.: СПбГУП, 2016.- 182с.

Столяренко Л.Д. , Столяренко Е.В. Истоки и факторы молодежного экстремизма в России. Известия академии педагогических и социальных наук. Материалы научно-практической конференции 22-23 апреля 2011г. М. 2011.- С.153-169.

Обсуждение доклада Н.М.Полетаевой

Мария Борисовна Чирятьева Интересная статья и тема очень актуальна, особенно в современных реалиях.

Наталья Михайловна Полетаева Человек современного мира должен быть готов к непрерывным отклонениям от намеченной траектории - вот и сейчас, пришлось срочно реагировать на звонок и искать рядом с местом нахождения интернет. Если было интересно - читайте Расторгуева С.П. и Пожарского С.Д. Удачи!

Полина Леонидовна Смирнова Как Вы думаете, почему в РФ снизилась доступность и ценность образования? На Ваш взгляд как бы это можно было изменить?

Наталья Михайловна Полетаева Ценность образования, по мнению академиков РАО, приближенных к ситуации принятия решений, снижается целенаправленно. На словах одно, ...жизненный уровень в РФ не всегда коррелирует с уровнем образования. В платных школах существует установка, что главное диплом, место будущей работы им уже известно, а умы мы купим, хотя это не во всех школах. Изменить ситуацию можно только при другой кадровой политике, по этой теме была сессия академии педагогических и социальных наук, и современная кадровая политика открыто рассматривалась, как угрожающая безопасности России. Меня критиковали за политический аспект вопросов, сама не люблю политику, но иначе умные покидают страну. Без политики - каждый на своем месте - делать то, что может для восходящего тренда развития РФ и ее граждан. В социальной службе - повышать психологическую и юридическую грамотность, формировать навыки самоорганизации на уровне ближайшего развития клиента. Удачи! В соц. службе часто работают очень хорошие люди.

Юлианна Валерьевна Матисс Какие структуры (гос.органы) должны на Ваш взгляд осуществлять функцию профилактики негативных последствий социальных рисков населения района?

Наталья Михайловна Полетаева Совет при администрации, включающий представителей социальных служб, милиции, медицины и образования.

Бондаревская Роксана Сергеевна

кандидат педагогических наук, начальник отдела повышения квалификации СПб ГБУ ГИМЦ «Семья» (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

В статье анализируется опыт подростковых волонтерских движений с позиции воспитания доброты как необходимого условия успешного преодоления социальных рисков. Рассматривается положительный опыт добровольчества в Калининском районе. Обсуждаются проблемы взаимодействия с семьями волонтеров.

ВОСПИТАНИЕ ДОБРОТЫ – ОСНОВА ПЕДАГОГИКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ ДОБРОВОЛЬЦЕВ КАЛИНИНСКОГО РАЙОНА)

Воспитание доброты – норма советской педагогики и проблема воспитания в современной России. Любое явление из категории социальных рисков рождает в добром человеке желание противостоять ему ради блага своих ближних. Он готов тратить свое время, силы и здоровье, чтобы защитить тех, кто ему дорог. Человек, настроенный эгоистически, как теперь принято говорить, индивидуалист, найдет тысячу причин в критической ситуации спасти только самого себя. Если мы учитываем это очевидное положение дел, то даем себе отчет, что обучение эгоистов по любым антикризисным программам дает только формальные результаты. Будучи исполнительным работником, такой человек в ситуации социального риска, которая, как правило, несет неопределенность, постарается следовать инструкциям. Но все, что находится за рамками прямых указаний, будет делать исходя из личного блага, а никак не общественного. Можно сказать, что национальная безопасность общества, в котором преобладают эгоисты, находится под угрозой.

Важнейшая цель современного отечественного образования, а также одна из приоритетных задач нашего общества и государства – воспитание высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России. Эта цель обозначена в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Данилюк, 2009]. Воспитание, нацеленное на достижение этой цели должно обеспечить способность молодых людей к самостоятельным поступкам и действиям, совершаемым на основе морального выбора, принятию ответственности за их результаты, целеустремленность и настойчивость в достижении результата. Важнейшей задачей воспитания, согласно Концепции, является осознание ценности других людей, ценности человеческой жизни, нетерпимость к действиям и влияниям, представляющим угрозу жизни, физическому и нравственному здоровью, духовной безопасности личности.

Бесценным является опыт детских учреждений, для которых основой педагогики преодоления социальных рисков является воспитание доброты как практической деятельности, направленной на помощь нуждающимся людям. В Калининском районе этот опыт есть, и он достоин того, чтобы быть транслированным, по крайней мере, на региональном уровне. Это опыт разнообразных добровольческих волонтерских программ для подростков и молодежи.

С 2013 по 2015 год Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Калининского района Санкт-Петербурга» осуществляло проект «Толерантность», в основе которого – проведение киноуроков доброты с учащимися образовательных учреждений Калининского района. Проект вела заведующая организационно-методическим отделением Конькова Виктория Юрьевна.

Нравственное чувство подростков, воспитание у них доброго отношения к инвалидам пробуждалось на киноуроках, когда учащиеся смотрели и обсуждали фильмы международного кинофестиваля «Кино без барьеров», повествующие о непростой жизни людей с инвалидностью. Но этим дело не заканчивалось. Ребятам предлагалось стать добровольными помощниками Центра социальной реабилитации инвалидов: выступить с номером художественной самодеятельности, помочь в уборке дворового участка и т. п. И многие подростки с готовностью предлагали свою помощь.

Сильнейшее впечатление на подростков производит Российский документальный фильм «О любви» режиссера Тофика Шахвердиева. Фильм рассказывает о детях-инвалидах, которые учатся московской школе № 379 надомного обучения, об их судьбах, условиях жизни, буднях и праздниках, взаимоотношениях с близкими, сверстниками. Фильм о детях-инвалидах, которым хватает души, таланта и мужества любить окружающий мир. Зритель не сразу понимает, что у самого обаятельного мальчика в классе – тяжелая форма ДЦП, и в сознании не укладывается, как ему удастся быть таким оптимистичным, если жизнь у него такая тяжелая и он не такой как все. После просмотра фильма Виктория Юрьевна проводит дискуссию о праве на любовь, которое есть у всех, но для детей-инвалидов это право может стать реальностью только благодаря доброте и поддержке окружающих.

Обсуждая фильм, подростки начинают по-другому смотреть на мир. Вот, например, один из отзывов: «После фильма я понял, что наши проблемы, по сравнению с проблемами детей-инвалидов, – пустяки, только мы этого не замечаем, а фильм нам напомнил об этом». Ребята продолжили обмениваться впечатлениями и во внеурочное время, общались по поводу увиденного с друзьями и родителями: «Разумеется, мы обсуждали фильм после урока вместе с одноклассниками», «Мы поняли, что нужно брать с таких детей пример», «Я бы хотела обсудить этот фильм со своими друзьями и родителями», «Я поделилась с лучшей подругой и все рассказала родителям», «Рассказала бабушке и родителям», «Мою маму очень впечатлил рассказ!»

На вопрос о том, нужны ли такие фильмы, ответы были единодушны: «Конечно, нужны. Они воспитывают у всех доброту. Меняют отношение к инвалидам», «Да, нужны, потому что люди все могут любить, все они равны», «Нужны, потому что некоторые люди до сих пор не поняли, что инвалиды такие же люди, как и мы».

Как просмотр фильма и его обсуждение повлияли на подростков? Они сделали важные жизненные выводы: «Да, я поняла, что к инвалидам надо относиться как к обычным ребятам, играть вместе, приглашать в гости, то есть дружить», «Да, я понял, что не надо делать все за инвалидов, мы должны помогать им все делать самим», «Да, я научился еще больше удивляться стойкости и выносливости таких людей», «Мне было очень жалко детей-инвалидов. И я никогда не буду смеяться над ними».

После проведения таких уроков учащиеся школ, педагоги и даже родители становятся добрыми помощниками в делах нашего Центра реабилитации инвалидов: они организуют и проводят творческие встречи, концерты, выставки художественно-творческих работ, показывают свои театральные постановки, оказывают содействие в благоустройстве территории Центра, помогают в изготовлении декораций для показа спектаклей и многое другое.

Организаторы проекта с радостью видят, как постепенно меняется сознание школьников в сторону доброго отношения к инвалидам, снижение боязни и отстранения от них, появляется желание содействовать и поддерживать этих людей, помогать им, научить по мере возможности что-то делать самостоятельно. И это показатель возрастания нравственной культуры наших детей.

Опыт проведения уроков доброты уже перенят Центром социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Адмиралтейского района.

В Калининском районе создано добровольческое агентство объединение молодых волонтеров (оно представлено группой в социальной сети ВКонтакте https://vk.com/dobro_kr). Идеи душевного человеколюбивого отношения к людям заложена в цели агентства, декларируемой на первой странице группы, – «мир без равнодушных, и мы верим, что она достижима, если каждому найти доброе дело по душе и по способностям». Уже три года агентство помогает подросткам и молодежи совершать свои первые шаги в добровольчестве, реализовывать собственные волонтерские идеи, акции и проекты. Основные направления нашей работы: помощь социально незащищенным категориям граждан (одиноким пенсионерам, семьям с опекаемыми детьми, инвалидам, бездомным); работа по укреплению традиционных семейных ценностей, помощь приютам для животных, профилактика зависимостей и вредных привычек, информационная и методическая поддержка молодежных и подростковых волонтерских объединений, сервисное добровольчество.

Центр психолого-педагогического, медицинского и социального сопровождения Калининского района третий год реализует добровольческий проект профилактической направленности «Старший – младшему». Цель проекта – воспитание жизненно важных навыков, форм просоциального поведения и здорового образа жизни через вовлечение учащихся 8-9-х классов в профилактическую деятельность, направленную на просвещение учащихся младших классов. Первоначально в 7 школах района (по одной в каждом муниципальном округе) были подготовлены волонтерские команды из учащихся 8-х классов. Были соблюдены принципы добровольности участия и согласия родителей. Специалисты Центра еженедельно занимались со школьниками, важно было не только вооружить ребят знаниями о здоровом образе жизни, но и научить основным приемам в сфере общения, игровым, интерактивным технологиям. Пройдя подготовку, волонтеры сами стали организаторами профилактических мероприятий для учащихся младших классов в своих школах. В 2015 году в этом проекте участвовало 4 170 волонтеров, учащихся 8-х и 9-х классов. По заключению специалистов Центра психолого-педагогического, медицинского и социального сопровождения активное вовлечение учащихся разных возрастов способствует формированию ценностей здорового образа жизни, мотивации к самораскрытию и личностному росту, снижению факторов риска, формирующих зависимое поведение.

Организация волонтерских акций, внедрение системы психолого-педагогического сопровождения, повышение правовой грамотности подростков и молодежи позволяют комплексно решать и проблему профилактики правонарушений в молодежной среде. Особенностью этой работы в Калининском районе является сочетание традиционных форм профилактики (профилактические беседы, лекции, тренинги), проводимых педагогическими работниками и специалистами СПб ГБУ «ПМЦ «Калининский» и современных креативных форм, которые реализуются молодежными активистами – волонтерами (Молодежный совет Калининского района, Молодежная приемная Калининского района, Молодежное Добровольческое агентство Калининского района).

Центр для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, № 3 Калининского района совместно с СПб РОД «Петербургские Родители» осуществляет свой проект «Волонтерское движение». Организаторы проекта ставят своими задачами развить у детей потребность самосовершенствованию, умение адаптироваться в условиях современного мира и вести здоровый образ жизни. В результате воспитанники начинают больше участвовать в творческих мероприятиях, выбирать хобби, занятия в кружках по интересам, повышается их коммуникативная культура.

Мероприятия антинаркотической направленности со студентами образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, расположенных на территории района, также напрямую связаны с вовлечением молодежи в волонтерскую деятельность. Так, например, на базе СПб ГБУЗ «Городская поликлиника № 76» ведется подготовка волонтеров-студентов для проведения профилактической работы антинаркотической направленности со студентами-первокурсниками в рамках программы «Помощь первокурснику».

Проанализируем опыт нравственного воспитания подростков на примере волонтерских организации, пропагандирующих здоровый образ жизни, через призму целепо построения на различных этапах построения этой деятельности.

Первейшая цель руководителя – создание творческой группы специалистов-организаторов добровольческого движения в образовательном учреждении или районе. Выдающийся отечественный педагог Петр Францевич Лесгафт, называя условия развития здоровой личности ребенка, говорит о бесконечной важности высоконравственного и веселого воспитателя. П. Ф. Лесгафт отмечает, что на попечении воспитателя должно быть не более 6-7 детей. Мы знаем, что с таким количеством детей взрослый может одновременно поддерживать эмоциональную связь [Лесгафт, 1988]. Тогда воспитатель сможет вдохновить ребенка на доброту и правдивость, на соблюдение единства слова и дела, сможет вовлечь его в радостный общественно полезный труд сначала как помощника, а потом как самостоятельного исполнителя, как автора, разработчика и организатора творческого дела. Деятельность в Калининском районе добровольческого агентства – пример того, как молодежь, имеющая опыт добровольческой активности в подростковом возрасте, может быть самостоятельной и успешной в осуществлении волонтерских проектов.

Цели добровольческого движения всегда направлены на личностный рост ребят: укрепление их нравственной позиции, воспитание чувства патриотизма, мотивацию самосовершенствования, обучение решению личных проблем, развитие общей коммуникативной культуры.

Уже на первых встречах целесообразно предлагать волонтерам обдумать свои цели, которые могут быть связаны и с выбором профессии, с культурным, социальным и нравственным совершенствованием. Важно бывает обсудить, каких целей подростки смогут достигнуть, участвуя в добровольческом движении, объяснить, что противостояние алкоголизму и наркомании молодежи – это патриотизм в действии, это реальная помощь своей стране. В результате подростки могут определить степень своего участия в работе, исходя из своих целей и возможностей, предоставляемых организацией.

Оценка результативности работы показывает, что у подростков, получающих новый опыт достижения поставленных целей, повышается самооценка в плане уверенности в себе, нормализуется уровень притязаний (методика «Самооценка и уровень притязаний» Дембо-Рубинштейна), повышается внутренний локус контроля.

Меняется у ребят и отношение к собственному будущему (методика «Неоконченные предложения»). Вместо нейтральных суждений («мое будущее неизвестно», «мое будущее непредвиденное») и откровенно негативных («мое будущее – сложное и скучное», «мое будущее не очень хорошее»), у подростков начинают преобладать позитивные суждения («мое будущее – светлое и понятное», «мое будущее – хорошее и важное»).

Отношение к собственному здоровью и здоровью сверстников формируется в ходе подготовки и организации конкретных дел (социологических опросов, праздников для младших школьников, выпуска газеты и т. д.). С одной стороны, информация о здоровье и способах его укрепления предлагается не напрямую, а как необходимые знания для проведения той или иной акции, с другой стороны, подчеркивается, что человек, который говорит с другими о здоровье, сам должен прилагать усилия для его сохранения и укрепления. Ребята приобретают убеждение о возможности и важности влияния на отношение сверстников к здоровому стилю жизни и одновременно утверждают в умении общаться.

В результате у большинства подростков отмечаются позитивные изменения системы отношений к здоровью (методика «Неоконченные предложения»). От нейтральных суждений (отрицательные высказываются очень редко, в основном теми подростками, которые тяжело переживают собственные проблемы со здоровьем): «Беспокоиться о своем здоровье я буду в пятьдесят лет», «Беспокоиться о здоровье мне не нужно» – подростки переходят к суждениям, свидетельствующим о необходимости уже сейчас думать о здоровье: «Беспокоиться о своем здоровье для меня важно». У многих появляются фразы, из которых следует, что подростки ориентированы отстаивать ценности здоровья перед своими сверстниками: «Когда речь заходит о слабом здоровье, я хочу помочь этому человеку».

Цели волонтерского движения всегда связаны с созданием сплоченной группы и поддержанием мотивации добровольческой активности в пропаганде здорового стиля жизни.

Подтверждением выполнения этих целей служит личный вклад подростков в дела, проводимые в рамках добровольческого движения. Анализируя индивидуальные планы волонтеров, можно видеть, когда и в каких делах они принимали участие, когда наблюдался пик активности, а когда – спад. Опыт показывает, что для многих подростков оптимальное время участия в добровольческом движении – полгода. Важно, что в это время они проявляют активность, зная, что их дела полезны обществу, и

в то же время самосовершенствуются (пробуют себя «в профессии», учатся общаться, учатся приятно и с пользой проводить свое свободное время). В конце полугодия подросток получает значок волонтера добровольческого движения за здоровый стиль жизни и говорит о своих дальнейших планах. Осознанность, четкость и созидательность этих планов (если они и не связаны с непосредственным участием в движении) говорят о том, что позитивные личностные изменения произошли и дальнейшая добровольческая активность подростка будет проявляться в других делах.

Не менее важной целью организаторов волонтерского движения является разработка таких подпрограмм деятельности подростков, которые были бы востребованы населением, и в то же время соответствовали бы способностям и интересам подростков. В большинстве случаев с успехом могут быть использованы такие формы работы, как выпуск информационных материалов подросткового добровольческого движения, организация акций для младших детей и сверстников, проведение опросов, касающихся образа жизни и взглядов на жизнь и здоровье представителей различных групп горожан, организация игрового досуга подростков.

О результативности работы по формированию здорового стиля жизни волонтеров могут свидетельствовать изменения, выявленные в системе отношений подростков к жизненным ценностям (методика Рокича «Ценностные ориентации»).

Сравнивая систему отношений к жизненным ценностям у волонтеров и контрольной группы, в которую входили учащиеся общеобразовательных школ города, я отметила, что волонтеры придают очень важное значение следующим жизненным ценностям: продуктивная жизнь (максимально полное использование своих сил, способностей), развитие (работа над собой, постоянное духовное и физическое совершенствование), активная деятельностная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность), уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений), наличие хороших и верных друзей.

У ребят, участвующих в подростковом добровольческом движении за здоровый стиль жизни, происходят изменения системы отношений к здоровью, к своему будущему, к выбору целей, к друзьям (методика «Неоконченные предложения»): в отношении к своему здоровью у волонтеров высказывания стали более конструктивными, повысился внутренний локус контроля; в отношении к своему будущему высказывания стали носить конкретный характер, связанный с выбором профессии; в отношении к выбору целей у волонтеров высказывания стали носить более созидательный и альтруистический характер; в отношении к друзьям у волонтеров высказывания свидетельствуют, что они стали более уверенными в общении.

К общим критериям эффективности подростковых волонтерских программ можно отнести:

популярность идеи и деятельности добровольческого движения в образовательном учреждении, районе (оценивается увеличение числа участников акций и субъектов, заключивших договор на участие в движении, диагностируется (анкетным методом) достижение целей проводимых акций);

рост числа добровольцев, желающих и способных заниматься профилактической работой, повышение коммуникативной культуры волонтеров, прошедших обучение;

регулярность и востребованность дел движения.

Хочу отметить еще одно важное условие, которое надо учитывать, работая с подростками – участниками добровольческих объединений – и воспитывая у них доброту. Это партнерские, уважительные, добрые отношения педагогов с родителями учащихся. К сожалению, на деле существует ряд проблем, препятствующий таким отношениям, и, если они не будут преодолены, положительный результат добровольчества может быть сведен к минимуму.

Необходимость взаимодействия семьи и школы в деле воспитания ребенка ни у кого не вызывает сомнения как и печальное признание проблем, которые постоянно возникают, когда необходимо совместно решать вопросы развития конкретного ребенка. Во многом мешает взаимодействию взаимное недоверие, которое коренится в подсознательной убежденности, что противоположная сторона не сможет понять и принять истинное положение дел в классе или в семье, что искренность будет использована противоположной стороной во вред ребенку. Учительница отходит от учебного плана, ставит первоклассникам оценки чуть ли не с первой недели обучения, просит оплачивать пособия сомнительной ценности и старается убедить родителей, что это делается на пользу детям, а не потому, что в первую очередь так удобно ей самой. Мать выполняет за ребенка домашнее задание, покрывает его прогулы, отрицает конфликты в семье, чтобы учитель не знал об истинных трудностях, а дочь или сын остался бы «на хорошем счету».

И семья, и школа, как правило, остаются закрытыми системами, каждая из которых ревностно оберегает свои «тайны» воспитания, демонстрируя во взаимодействии некую личину, внешне идеализированный образ, который нужен для манипулирования. Противоположная сторона не рассматривается как равноценный партнер, её просто подталкивают к совершению определенного действия, будь то оплата родителем не нужной ребенку услуги или выставление учителем не заслуженной ребенком оценки. Такое «взаимодействие» может тянуться годами, позволяя семье и школе решать свои частные вопросы и уходить от главного — консолидации усилий в воспитании ребенка. А сам ребенок, чувствуя фальшь в своих воспитателях, видя постоянное лукавство в их взаимодействии, учится хитрить и обманывать, разрушая тем самым фундамент своего духовно-нравственного развития.

Найти нравственные основания для взаимодействия не просто, хотя бы потому, что в нашем обществе продолжают размываться представления о добре и зле на самых разных уровнях. Однако все это никак не отрицает, не может свести на нет наличие совести в каждом отдельном человеке, будь он педагог или родитель. Личное духовно-нравственное состояние человека определяет его поступки, и потребность нравственного поведения по-прежнему может лежать в основе взаимодействия учителя и родителя. Тем не менее сегодня необходимо по-новому говорить о нравственных основах этого взаимодействия: более вдумчиво, более ответственно, более психологически грамотно.

Наверное, самое важное для взаимодействия учителя и родителя – честность перед самим собой в понимании личных мотивов. Как часто родителям кажется, что они, переполненные нравственным чувством, борются за справедливость, обвиняя учителя в необъективности к их ребенку! Как часто учитель, полный праведного гнева, обвиняет родителей в безответственности! А на проверку за всеми патетическими излияниями – только болезненное желание снять ответственность с

самого себя, самоутвердиться в своей позиции любыми средствами. Если зреет решение выступить за справедливость, правильно сначала разобраться с собой: что толкает меня на этот шаг?

Худшая причина, которая может открыться – жажда мести, злорадное по своей сути желание наказать побольше человека, который так или иначе стал причиной страданий. Эта печальная правда может быть скрыта от других и от самого мстителя за благородной личиной поборника справедливости. Другая распространенная причина «отстаивания нравственных принципов» – болезненное желание заявить о несправедливостях, посетовать на тяготы жизни и разрешить самому себе ничего не предпринимать. Вместо того чтобы вместе заниматься вопросом, поддающимся решению, взрослый начинает «коллекционировать несправедливости» и оставляет ребенка одного перед лицом трудностей. И в том, и в другом случае честное обращение к золотому правилу нравственности «Поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе» не даст себя обмануть.

Даже тогда когда есть вполне искреннее намерение нравственно решать вопросы взаимодействия семьи и школы в воспитании ребенка, не так просто реализовать его. Первый шаг взаимодействия – это установление контакта. Каким он будет? Получится ли возбудить ответное нравственное чувство в партнере? Здесь нельзя не вспомнить духовно ориентированный диалог, принципы которого разработаны психологом Т. А. Флоренской и описаны в книге «Мир дома твоего» [Флоренская, 1998]. Исходный принцип такого диалога – признание в собеседнике духовного «Я». Человек может не чувствовать, не осознавать своей духовности, может даже отрицать ее или бороться с ней. Но диалог с ним будет оставаться усеченным до тех пор, пока собеседник не признает в нем хотя бы способность к духовной жизни. Настроиться на лучшее в человеке не просто. Этому мешают собственные пороки, привычка осуждать, настроенность только на мирское в человеке. Вот, например, мать оставляет любимую работу, чтобы помочь своему ребенку преодолеть неудачи в учебе, а классный руководитель оценивает это, как желание женщины облегчить себе жизнь. Учитель бескорыстно дополнительно занимается с отстающим учеником, а родители думают, что он таким образом вынуждает их делать ему богатые подарки. Получается странная и печальная ситуация: люди боятся разочарований, боятся ошибиться и объясняют поступки друг друга исходя из худшего. Этому они боятся больше, чем опорочить, не увидеть достойное и возвышенное в ближнем. Впрочем, надо признать: увидеть проявление духовной жизни бывает не просто. Духовность, проявляемая как опыт христианской, возвышенной и бескорыстной любви, в жизни обычного человека, и подростка, и взрослого, тесно переплетена с душевной, эмоциональной любовью, с физической привязанностью и совсем не просто выходит на передний план.

Литература

Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. – М.: Просвещение, 2009.

Лесгафт П. Ф. Избранные педагогические сочинения.– М., 1988.– С. 18–19, 24–114, 137–138.

Флоренская Т. А. Мир дома твоего / Т. А. Флоренская. – Москва : Радонеж, 1998.

Обсуждение доклада Р.С.Бондаревской

Татьяна Леонидовна Гуливанова Нельзя ни согласиться с важной ролью школы в воспитании у ребенка доброты. Но никакая школа, никакая организация не сможет компенсировать отсутствие доброты в семье. В наше время, когда каждая семья, как в окопе, сражается за существование, не ожидая доброты и поддержки от общества, трудно объяснить ребенку, почему он должен думать о других. Наверное, воспитание доброты - это псевдопонятие, доброту не воспитывают, её проявляют. Ребенок, выросший в доброте, таким и станет. Спасибо!

Мария Борисовна Чирятьева Согласна, что основную роль в воспитании доброты играет социальное окружение, в первую очередь - семья. Но и в других социальных институтах необходимо уделять внимание воспитанию нравственных качеств.

Татьяна Гуливанова Леонидовна Спасибо за ответ! Я имела в виду, что нравственные качества формируются естественным образом, если ребенок видит вокруг именно такое "нравственное" поведение взрослых. Никакие поучения, даже заученные наизусть, не сделают ребенка добрым. Только пример. А современное общество, к сожалению, как правило демонстрирует жестокость - к инвалидам, старикам, слабым. Хорошо, что есть ещё подростки, сознательно приходящие в волонтерство, но ведь это - капля в море...

Юлианна Валерьевна Матисс Добрый день! Спасибо за поднятую тему. Дефицит доброты в наше время очевиден. И ещё хотелось бы отметить, что важно каждому - и взрослому, и ребенку, руководствоваться в жизни элементарной формулой: "поступай с другими так, как хотелось бы, чтобы поступали с тобой". Спасибо.

Роксана Сергеевна Бондаревская Спасибо, Юлианна Валерьевна, за комментарий! Как хорошо, когда рядом с ребенком есть люди, которые руководствуются этой замечательной формулой, обсуждают это с ребенком, доброжелательно и радостно его вовлекают. Добро гораздо более заразительно, чем зло!

Юлианна Валерьевна Матисс Уважаемая Роксана Сергеевна! Есть ли у вас какая-либо информация о том, из каких социальных групп молодежь приходит в волонтеры? И есть ли связь между решением участвовать в волонтерском движении и ситуации в семье самого волонтера? Может ли это быть уходом от своих проблем? Спасибо!

Роксана Сергеевна Бондаревская Спасибо, уважаемая Юлианна Валерьевна! Я несколько лет занималась волонтерским движением за здоровый стиль жизни в системе образования Красносельского района. Добровольцами движения становились учащиеся 7-8 классов, которые на тот момент не определились с дополнительным образованием. Для них волонтерство решало вопрос предпрофессиональной подготовки. Так что они не уходили от проблем, а учились их решать. Базой волонтерского движения был ЦПМСС и нередко подростки из волонтерской команды обращались к психологам центра по личным вопросам. Им это было легко сделать, так как они уже знали психологов. Подростки были из разных социальных групп.

Полина Леонидовна Смирнова Хочу отметить, что волонтерство - непростой шаг, не так распространено среди молодежи, детей. Самый первый и простой шаг - это воспитание доброго отношения к животным, которые есть почти в любой семье.

Роксана Сергеевна Бондаревская Спасибо, Полина Леонидовна, за комментарий. Я думаю, что забота о животном, живущем в семье, относится, скорее, к домашним

обязанностям. А вот помогать животным, живущим на улице (при всей неоднозначности их статуса) - это уже явное личное добровольчество. Если ребенок делает это постоянно, то, конечно, это воспитание доброты.

Сергей Сергеевич Колесников Спасибо за доклад. Мой вопрос связан с вашим утверждением, служащим начальной позицией всех размышлений, а именно о принципиальной несовместимости эгоизма и общего блага. Не могли бы вы привести обоснования подобного тезиса. В своем докладе вы говорите, что "национальная безопасность общества, в котором преобладают эгоисты, находится под угрозой". Считаете ли вы, что позиция "эгоиста" не может рассматривать "общее благо" как часть личной выгоды? Спасибо.

Роксана Сергеевна Бондаревская Спасибо, Сергей Сергеевич, за отклик и за вопрос! Мой 25-летний опыт работы практикующим психологом, к сожалению, свидетельствует о том, что эгоистически настроенные люди общественное благо ценят только на словах. Об этом же свидетельствуют и определения: Эгоизм (в психологии) - ценностная ориентация субъекта, характеризующаяся преобладанием в его жизнедеятельности своекорыстных личных интересов и потребностей безотносительно к интересам других людей и социальных групп; Эгоизм (в социологии) - принцип жизненной ориентации и моральное качество человека, связанное с предпочтением собственных интересов интересам других (индивидуальных и коллективных) субъектов. Эгоизм прямо противоположен альтруизму - принципу бескорыстной, жертвенной морали служения ближнему (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1206639>). Интересно, что в 80-е гг. 18 в. эгоистами называли философов, утверждающих существование только собственной души (Исторический словарь галлицизмов русского языка).

Сергей Сергеевич Колесников Роксана Сергеевна, на той же странице (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1206639>), понятие эгоизма раскрывается более полно... "Эгоизм может быть рациональным и иррациональным. В первом случае эгоист оценивает возможные последствия своих действий и действует в соответствии с целесообразностью. Во втором случае эгоист действует импульсивно и недальновидно"... Я так понимаю, что в своем докладе вы апеллировали ко второму, иррациональному, эгоизму? Но разве "золотое правило" (Мф 7:12), упомянутое Вами, в докладе, не "эгоистично"? Приведу цитату: "если вы хотите, чтобы вам было хорошо, тогда поступайте морально по отношению к другим людям" (И.Джохадзе). Разве это не поиск собственного интереса? Разве альтруизм, реализованный в профессиональной социальной работе, не приводит к фатальной деградации специалистов и их выгоранию? Вероятно, речь должна идти о некоей "серой" зоне промеж альтруизма и эгоизма?

Мария Николаевна Губина Уважаемый Сергей Сергеевич! Альтруизм и профессиональная социальная работа - это совершенно разные вещи. К фатальной деградации специалистов и их выгоранию приводят очень много факторов и альтруизм в списке этих факторов далеко не на первом месте.

Наталья Федына Здравствуйте, коллеги! Интересная затронута тема. Интересна она, на мой взгляд, своей неоднозначностью. Когда я была в раннем подростковом возрасте, нас как раз учили, что жить надо во благо общества и интересы коллектива превыше всего. Время показало несостоятельность данных догматов. Поскольку жизнь в такой концепции приводит к возникновению внутриличностных конфликтов,

которые общество решать не спешит. Вследствие чего нарастает внутренняя агрессия, которая в итоге направляется на то же самое общество, в интересах которого ты жил до того. Из собственного профессионального опыта (психолог, 12 лет) могу предположить, что по своей сути человек - существо эгоистичное, ну или эгоцентричное, по меньшей мере. И тогда, действительно возникает вопрос о рациональности и иррациональности этого явления. Современные подростки индивидуалисты по типу выстраивания взаимоотношений с окружающим миром. Причем часто именно рационально мыслящие, т.е. осознающие последствия своих действий. Можно ли рассматривать их как угрозу будущему государству? И стоит ли это делать?

Роксана Сергеевна Бондаревская Спасибо, Наталья, за интересный диалог! Рациональность эгоиста - это разумность и осознанность пути к личному благу (например, в духе Карнеги). Мягче стелет, но спать все-равно жестко. Советское "Мы" над "я", на мой взгляд, несостоятельно, как и либерально-гуманистическое "Я" над "мы". В меньшей степени, конечно, так как нравственные основания остаются, но способность осознавать и развивать себя в соответствии со своими особенными жизненными силами подавляется. Убеждена, что выгорания и разочарования не будет у человека, если его мировоззренческая основа - "Я" в "Мы", идеал которой соборность.

Роксана Сергеевна Бондаревская Осознанный альтруизм в сочетании с профессионализмом дает специалисту социальной сферы высшее удовлетворение! Можно, конечно, считать это его собственным интересом, но... "Я" в "Мы" - это очень жизнеутверждающе и профилактично в смысле выгорания.

Наталья Федына Я бы разделила альтруизм и профессионализм, хотя эти качества могут и совпадать. Но тогда профессионал будет действовать в рамках волонтерских организаций. При выполнении работы, которую мы выполняем за деньги, альтруизм скорее будет приводить к выгоранию. По поводу "Я" в "Мы" Вы рассматриваете это как событийность или как растворение "Я" в "Мы"? И потом, я не рассматриваю эгоизм как "Я" над "Мы", скорее как "Я - это я, а ты - это ты". Если человек счастлив, то людям рядом с ним, как правило, хорошо. Я не беру в расчет психические, психологические и социальные отклонения, когда горе и боль другого приносят удовлетворение собственных потребностей и проводят к состоянию "счастья". Рациональность эгоизма, на мой взгляд, может проявляться и в том, что для того, что бы мне было хорошо, обществу рядом тоже должно быть хорошо, т.е. я осознанно буду улучшать свою среду для удовлетворения своих потребностей. Всё будет зависеть от потребностей. Например, если хочу добиться успеха, который зависит не только от меня, но и от других, то я буду создавать тем другим комфортные условия, помогать и т.п. Сильный руководитель работает с сильными профессионалами и достигает высоких результатов, реализуя при этом собственные интересы и потребности.

Наталья Федына Роксана Сергеевна, спасибо за интересный опыт. О доброте: как любое сложное понятие, вызывает споры. Как чувство оно тоже состоит из многих других чувств: сочувствие, понимание, эмпатия, сострадание и др. И хорошо, что есть люди, которые помогают воспитывать эти чувства в детях. Работая с трудными семьями, как заведующий отделением профилактики безнадзорности несовершеннолетних, понимаю, что иногда в семьях не происходит этого

воспитания. И тогда только от равнодушных взрослых, работающих в социальной, образовательной сферах или сфере молодежной политики зависит, получит ребенок знания и опыт, связанный с переживанием тонких и сложных эмоциональных состояний и чувств. Согласна с тем, что наказание за поступки - лучше безнаказанности. Вопрос в том, кто является мерилем силы и справедливости наказания. Особенно если связать это с добротой. И тут возникает ещё один сложный вопрос: может ли добрый человек испытывать агрессивные чувства?

Роксана Сергеевна Бондаревская Уважаемая Наталья, думаю, что работая с детьми из трудных семей особенно важно воспитывать доброту их чувств по отношению к родителям. В стране, которая дала миру Достоевского и Толстого, Ушинского и Макаренко, Ильина и Зеньковского, есть основания, чтобы обретать мерилу справедливости наказаний. Гнев, и связанные с ним агрессивные чувства, конечно, бывают у каждого, но добрый человек ставит для себя целью научиться управлять своим гневом, чтобы он не разрушал, а созидал. По крайней мере я так полагаю.

Наталья Федына На мой взгляд, доброта - это не только умение управлять своими чувствами, это готовность к действию в интересах другого, с учётом его потребностей. Из опыта работы, могу сказать, что дети из неблагополучных семей, зачастую, к родителям относятся с очень добрыми чувствами, а все свое недовольство, связанное с неудовлетворенностью потребностей, переносят на общество. И это тоже идёт из семьи, в которой считается, что они так плохо живут, потому что им общество должно: должны учителя, врачи, социальные службы и государство в целом. В проблемах виноваты, соответственно, все те, кто должен. Но работать с родителями таких семей не представляется возможным вследствие их социальной и личностной деградации.

Защиринская Оксана Владимировна

доктор психологических наук, доцент факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

В докладе раскрываются концептуальные основы психотравматологии как нового междисциплинарного направления, дается определение понятия психической травмы и ее базовых механизмов и симптомов. Описывается подход Кельнской школы психотравматологии Готтфрида Фишера. Показаны последствия ранних детских психических травм, травм вызванных разводом родителей и распадом семьи. Выделены направления помощи лицам, перенесшим психическую травму.

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЛИЯНИЯ ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ

Определение психической травмы. В публикациях Готтфрида Фишера психическая травма обозначается как прерванное действие. Подразумевается, что человек оказался в трудной жизненной ситуации, старался преодолеть или избежать травмирующего события, но подвергся внешнему воздействию витального характера. В таких случаях наши возможности на спасение утратили свою реалистичность и действия человека по внешним и внутренним причинам были прерваны в угрожающей ситуации.

Психическая травма становится длительным потрясением в восприятии себя и окружающего мира. Часто в угрожающей ситуации мы утрачиваем способность предотвращать трагедию или бороться, замыкаемся в себе и не ищем новых решений. В этом случае наше внешнее действие, которым мы пытаемся предотвратить неизбежное, прерывается и оказывается бесполезным, т. к. больше не ведет к цели. Внутри же нас продолжается борьба за выживание. Мобилизуется невероятный запас сил. Наше восприятие изменяется, так как мы оказываемся в новой, казалось бы, невозможной для нас ситуации. Многие люди испытывают чувство нереальности.

Таким образом, психическая травма является следствием чрезмерной психической нагрузки человека в момент катастрофического для него события. Человек в результате сильнейшего перенапряжения, страха, муки и т. д. не в состоянии ни активно бороться за преодоление этой ситуации, ни избежать её (по G. Fischer, http://www.zpid.de/psychauthors/index.php?wahl=forschung&uwahl=psychauthors&uuwahl=p00209GF_pub).

Детям и взрослым, пережившим горестное и трагичное событие, сложно вернуться к прежней налаженной жизни. Они опасаются непонимания и настойчиво избегают разговоров о пережитом. Возникает ментальная пропасть. С одной стороны, человек продолжает находиться в привычном повседневном мире, но одновременно с этим испытывает чувство нереалистичности происходящего. Возникает навязчивая мысль о том, что всё еще может разрушиться и вызвать снова тяжелые переживания, включая безотчетную тревогу, страх и беспомощность. Такие переживания даже аккумулируются в теле человека.

Преодолением последствий психических травм и разработкой концепции по улучшению и сохранению психического здоровья детей и взрослых с марта 1991 года стал заниматься «Немецкий институт психотравматологии», основанный Готтфридом Фишером. Данный институт стал передовым учреждением Европы и постоянно занимался изучением психотравм и возможностями их терапии, а также своевременным предупреждением психической травматизации.

Понятие «травматология» известно в хирургии и тесно связано с лечением телесных ран. Сотрудники института считают, что психотравматология занимается не менее болезненными душевными ранами (psyche = душа, дыхание), возможностями их лечения, а также вопросами превенции жизненных ситуаций, изменяющих психическое состояние человека и его нормальные условия для активной и полноценной жизни. Сотрудники института оказывали психологическую помощь на территории всей Германии. Так, в 1994 году в Северном Рейн-Вестфалии в сотрудничестве с министерством социального обеспечения была создана Кёльнская психотерапевтическая модель помощи жертвам насилия. В рамках проекта удалось достичь улучшений в поддержке и обеспечении жертв насилия, во-первых, благодаря психотерапии, а во-вторых, путем оказания помощи жертвам согласно закону о возмещении убытков пострадавшим. В сотрудничестве с акционерным обществом «Немецкие железные дороги» институт психотравматологии оказывал профессиональную помощь пострадавшим в железнодорожных катастрофах в Эшеде и Брюле, а также потерпевшим от несчастных случаев на навесных канатных дорогах в Вуппертале. В сотрудничестве с «R+V Страхованием» и руководством профсоюза города

Гамбурга по всей Германии оказывалась психологическая помощь жертвам нападений на банки.

Понятие о психотравматизации. Дети и взрослые с психическими травмами неслучайно, например, страдают симптомами страхов, панических атак и даже фобий на фоне складывающихся с людьми межличностных отношений. Данная феноменология связана с проявлением поведенческих и эмоциональных состояний при наличии частого межличностного переноса, характеризующегося значительным недоверием из-за переживания влияния образа обидчика, который повторно психотравмирует и раздражает; а также интерактивно провоцирует переход от психологического стресса к хроническому психическому расстройству.

При повторных психических травмах у человека возникает расстройство центральной нервной системы, которое оказывает влияние на очень многие психические сферы: психосоматическую, когнитивную, поведенческую. При психотравматизации в целом нарушаются способы саморегуляции своего состояния. При раннем возникновении расстройства (например, на перинатальном этапе) отмечается снижение самосознания, что оказывает влияние на всю жизнедеятельность человека, его ценностные ориентации, представления о мире, а также на формирование непластичных социальных компетенций. На микро и макроуровне общественных отношений тяжело травмированный человек не может быть оптимально полезным, не способен принести пользу даже самому себе, позаботиться о личностном росте или индивидуальных достижениях в разных видах деятельности без целенаправленной психотерапевтической помощи. Иногда при её оказании важно максимально точно установить, в чем заключается тенденция к прогрессированию психического расстройства клиента, что на данный момент имеет центральное значение, чтобы довольно быстро развить индивидуальную компетенцию и социальную способность интегрироваться в социуме. Иной раз необходимо совершенно размывать точный фокус вмешательства, когда речь идет о том, чтобы определить влияние психической травмы на все сферы личностной и внешней социальной организации. Ведь только через расширение социальных компетенций можно понять весь потенциал ретравматизации и хронизации и затем успешно с ним справиться.

Люди, перенесшие психотравмы, часто оперируют воспоминаниями в виде образов, индивидуально и специфически запоминая то, что им довелось пережить (например, насильственные действия или влияние обидчика). Людям свойственна комплексная фактографическая память. Возникает особая психодинамика глубокого переживания перенесенных межличностных ролей. К примеру, речь может идти о непреодоленных детских ролях или роли жертвы у клиентов с посттравматическими расстройствами. С одной стороны, существует невозможность «вот так просто» избавиться от интроектных ролей, а с другой – перенос и интроект попеременно сменяют друг друга. Бессознательно спроецированное на себя влияние родителей или обидчика у посттравматических клиентов изменяет их социальное поведение, делая его агрессивным в силу повторяющегося возникновения старых представлений о происшедших событиях, хранящихся в долговременной памяти. Об этом свидетельствуют многочисленные эмпирические наблюдения.

Современные нейробиологические исследования нашли еще более комплексное подтверждение данному явлению, установив, что мы не только помимо нашей воли сохраняем «слепки» в памяти, но и долгое время воссоздаём их вновь и вновь даже вопреки сознательному дистанцированию.

Возможно, экзистенциальная потребность в самосохранении требует от нас социально-личностного копирования, исходящего от другого субъекта, который обладает превосходством. В этом случае есть возможность воспользоваться его качествами в целях собственного выживания. Данное утверждение применимо в случае, когда при семейном насилии ребенок позволяет агрессору суггестировать разные представления о самом себе и окружающем мире. Фатальность данной ситуации для жертвы такой травматизации состоит в том, что впоследствии взрослея, уже не в диссоциативном, а рефлексующем состоянии, у нее могут остаться поведенческие стереотипы, возникшие как результат воздействия обидчика, о происхождении которых травмированной психике ничего не известно. Пострадавший человек может руководствоваться в своем поведении внутренними импульсами, которые приобретены в результате общения с агрессором, но будут восприниматься как «свои собственные» и проявятся в качестве Я-симптомов.

Проблемы изучения проявлений психотравм. До начала XX века взаимосвязь между травматическими событиями и возникающими симптомами часто оставалась нераспознанной. Ни сами пострадавшие, ни специалисты, такие как врачи, психологи, социальные работники или педагоги, не обращали на это необходимого внимания. Хотя и отмечались интенсивные и навязчивые переживания после определенных ситуаций, но скрытые продолжительные последствия крайне редко связывались с непосредственно произошедшим травматическим событием. На данный момент психологи и психотерапевты имеют определенный перечень отсроченных симптомов психотравматизации. Приведем некоторые из них: 1) флешбеки (не справиться с нахлынувшими воспоминаниями); 2) резкая смена психических состояний; 3) нежелание вступать в контакт и нарастание признаков десоциализации; 4) затруднения при воспоминаниях; 5) физическая самотравматизация (порезы, ушибы); 6) человек забывает личные вещи, не помнит, где мог их оставить; 7) повреждение различного имущества внешне ненамеренного характера; 8) постоянные опоздания и откладывание встреч с людьми и пр.

Благодаря возрастанию уровня исследований выявилось разнообразие перечня этих продолжительных последствий психотравматизации, которые уже имеют социально-психологический характер и отражаются на качестве жизни человека. Однако при наличии нераспознанной причины возникновения психической травмы целенаправленная травматерапия становится невозможной и заменяется в работе большинства специалистов только лечением отдельных симптомов.

Не только специалисты, но и сами пациенты чаще всего не в состоянии распознать взаимосвязь между травматическим событием и последующим заболеванием. В среднем до 40% переживших травму людей страдают потерей памяти. Некоторые не могут вспомнить случившееся короткое или продолжительное время. Многие же не хотят об этом вспоминать. При подавлении воспоминаний или их исчезновении становится весьма трудно установить их связь с возникающими последствиями психической травмы, включая внезапные страхи,

депрессии или жалобы на здоровье. Эти нарушения неправильно интерпретируются или же ошибочно объясняются другими причинами.

Таким образом, психическая травма обуславливает возникновение расстройств на физическом и психическом уровнях. Взаимосвязь между жалобами и травмой остаётся часто нераспознанной или ошибочно идентифицируется. Дети и взрослые начинают страдать различными нарушениями неизвестного им происхождения. При переживании необъяснимых психических нарушений встаёт вопрос: «Что со мною происходит?». Психотравматология открыла новые возможности для изучения широкого спектра симптомов, относящихся к структуре личности, эмоциональным состояниям, когнитивным паттернам реагирования, межличностному поведению и общению.

Детско-родительские отношения и психотравма. Различные исследования детей, переживших психическую травму, выявляют в их поведении целый ряд проявлений немотивированной агрессии, импульсивного поведения, затруднения в установлении и сохранении межличностных отношений со взрослыми и сверстниками. Неспособность регулировать свои эмоции связана с субъективным переживанием чувства опасности и утраты самоуважения. Длительные ситуации злоупотребления детским доверием и нарушения привязанности к самым близким людям обуславливают снижение критичности мышления и несформированность социальных метанавыков.

Перенесенная в детстве психическая травма влияет на развитие личности, снижая её познавательную активность, блокирует и искажает эмоциональную включенность в личные и деловые контакты. При психотравматических рецидивах у детей снижается уверенность в себе, чувство принадлежности и одновременно личностной автономии как возможности сохранения самоидентичности. При установлении межличностной коммуникации с новыми людьми обнаруживаются проявления травмарекострукции, при которой окружающие люди и ситуации частично продолжают напоминать ребенку о ранее пережитых событиях.

Указанные выше нарушения описаны Джудит Герман (1992) в книге «Травматология и восстановление», которая признана классической работой в изучаемой нами области знаний.

В этой публикации приведены многочисленные исследования психического состояния детей, переживших жестокое обращение. Автор описала конкретные симптомы у людей с длительной историей нарушения межличностных отношений: а) психические расстройства, сопровождающиеся изменениями в восприятии себя и других; б) склонность к повторяющимся паттернам травмарекострукции; в) неспособность регулировать настроение; г) принятие жертвами системы представлений об окружающем мире своих мучителей. Жертвы семейного насилия утрачивают когерентное самоощущение, не участвуют в стабильных и доверительных отношениях, неспособны активно избегать эмоционального террора или деструктивной привязанности со стороны близкого человека.

Разводы и психотравматизация. В России существует ещё одна распространенная социальная проблема – это разводы. При разводе отношения между супругами могут развиваться в соответствии с тремя основными этапами психотравматизации: 1) конфликты и насилие, обуславливающие принятие решения о разводе; 2) стресс при процедуре развода; 3) психосоматические проблемы

бывших супругов после развода. Специалистам известно, что во всех случаях при разводе муж, жена и дети испытывают сильный стресс [Wolfgang Hantel-Quitmann, 2015]. Однако не каждый развод идентифицируется для конкретных членов семьи как психическая травма.

Наиболее тяжелые психологические проблемы возникают в тех случаях, когда развод для самих родителей становится очередной частью комплексной травматизации одного из супругов (схема 1). К примеру, у женщины недавно умерла мать (самой женщине было в это время 38 лет). После её похорон женщина долго не могла результативно работать и её «неожиданно» увольняют после 15 лет личного вклада в развитие организации (40 лет). В 42 года она разводится с мужем. В данном случае отмечается цикличность травмирующих событий с интервалом в 2 года. Психотерапевтическая помощь такому человеку будет носить длительный и системный характер.

Большую значимость для возникновения различных психических расстройств имеет наличие постоянного психотравмирующего фактора (Kupta Gabriele, 2011). Таким часто является социальное поведение одного из супругов. Например, алкоголизм или измены мужа будут не только причиной психотравмы, но и повлекут за собой увеличение проявлений невротического расстройства. В этиопатогенезе изучаемых состояний должны учитываться сила и длительность патогенного воздействия на психику поступков супруга, его отношение к реакциям и переживаниям своего партнера.

При анализе психофизических механизмов психотравмы в процессе расставания супругов при проведении междисциплинарных исследований рассматриваются изменения в функционировании головного мозга и спектр психосоматических проявлений (Ralf Vogt, 2012). Частыми являются жалобы на низкую работоспособность, слабость, головокружение.

В ситуациях развода хронический стресс приводит к увеличению размера мозжечковой миндалины и уменьшению объема гиппокампа, что служит причиной нарушения способности к комплексному хранению и активной переработке информации. Клиенты начинают жаловаться на навязчивость воспоминаний. Они постоянно возвращаются к прошлому опыту и негативно оценивают происходящие в настоящее время события. Для женщин самым травматичным становится переживание роли отвергнутой жены в сочетании с разочарованием, чувством несбывшихся надежд. Мужчины стремятся как можно быстрее преодолеть воздействие на них стресса и обезопасить себя от различных неприятностей со стороны супруги. Они тоже разочарованы, но экстраполируют себя в будущее и анализируют ошибки жизненного сценария, повлекшие за собой нарушение позитивных ожиданий от семейной жизни. Гендерные различия часто выражены своеобразной фиксацией женщин на прошлом, а у мужчин – возникновением психологических защит по типу избегания, отрицания с усилением роли экстрапунитивных реакций.

На этом фоне закрепляется тенденция к распространяющемуся и устойчивому эффекту триггера (Psychological Trigger) – автоматическим поведенческим реакциям на разные внешние события. Так же нарушение психической саморегуляции у супругов в период развода провоцирует усиление повторяемости определенных действий (чрезмерная потребность поддерживать дома идеальную

частоту, постоянные уборки). Возникают и закрепляются новые стереотипы (ключ надо положить в определенное место, иначе неожиданно придет муж и снова начнется скандал). Усиливается склонность к совершению действий, способных повлечь за собой саморазрушение. Например, у мужчин – нежелание соблюдать правила дорожного движения во время управления личным транспортным средством.

Психотерапевтическая помощь супругам и их детям требуется на всех трех указанных выше этапах развода. Наш опыт работы показывает, что «открытие травмакапсулы» клиента не должно становиться самоцелью в консультационной практике специалиста. Эффективнее на первых же встречах осуществлять поиск приемов интервенции с привлечением ассоциативного метода. Это будет способствовать сознательной замене имеющихся патологических установок на позитивные личностные реакции, усилит конструктивизм ожиданий.

Развод родителей в большинстве случаев становится конкретной причиной психотравматизации детей, диагностическими критериями которой будут являться: изменения в регулировании собственного состояния (импульсивность, лабильность); нарушения произвольного внимания; симптомы соматического характера; изменения в самоощущении; деструктивные изменения в отношениях с другими; изменения в восприятии родителей; утрата смысла жизни.

При изучении детей, перенесших длительное травматическое воздействие как следствие конфликтного общения и агрессивного поведения родителей в процессе развода, наиболее распространенными диагнозами неврологов и психиатров стали: тревожное и оппозиционно-вызывающее расстройства; социальное тревожное расстройство; синдром дефицита внимания. Результатом психотравматизации стали: нарушение самостоятельности ребенка, уменьшение его социальных возможностей и перспектив самореализации.

Развитие психотравматологии как многоуровневой системы психологического вмешательства. При оказании психологической помощи в первую очередь следует устранить последствия психической травмы. Однако у людей с комплексными посттравматическими состояниями может отмечаться целый ряд различных психических расстройств различной степени тяжести. Зачастую контекст психотравматизации становится понятен специалистам после продолжительного периода оказания психологической помощи, потому что до момента вмешательства клиенты совершенно не могут осознанно размышлять и совершать поступки. Такие физиологические симптомы, как повышенная возбудимость (излишняя активация ЦНС) или психофизическое перенапряжение и контролируемая дистанция в отношениях (гипербдительность), или такие психологические явления, как дезориентированность и аффективные нарушения, становятся очевидными лишь в наиболее ярко выраженной форме. В рамках повседневных отношений клиенты зачастую хорошо себя контролируют и, не имея возможности для сравнения, не в состоянии понять, что такие переживания и действия могут быть последствием давней психотравмы.

Для психотерапии это лишнее доказательство того, что сначала необходимо расширять сильные «сужения восприятия», так как быстрые «выводы в аварийной ситуации» при восприятии сужают роль коры больших полушарий головного мозга

в принятии решения. В любом случае это общее расширение начального восприятия отвечает требованиям работы с телом.

Необходимо создать как внешне, так и внутренне совершенно определенную психическую атмосферу восприятия, дабы получить доступ к сохраненной психотравмирующей информации. Высшие участки коры головного мозга «подспудно» обрабатывают информацию разных модальностей. Гипотетически можно доказать принцип мультимодальных взаимных соединений областей переживания, что, в свою очередь, говорит в пользу проведения комплексной помощи и интегративной психотерапии.

В работе с обширными группами детей и взрослых с комплексными посттравматическими расстройствами специалисты ориентируются на устранение последствий психотравмы и придерживаются такого правила, что латентно психотравма всегда остается в фокусе психотерапии – неважно, над какой темой мы сегодня работаем (Ulrich Sachsse, 2009). Если в ходе терапевтического процесса наличие травмы подтверждается или предполагается в соответствии с состоянием клиента, на нее непосредственно делается основной акцент в работе, поскольку путем растворения травматической «капсулы» зачастую можно одновременно решить множество вторичных поверхностных проблем. В этом смысле такой травмо-ориентированный подход является самым эффективным методом рациональной длительной психотерапии. В конечном счете указанное правило постоянного скрытого ориентирования на травму означает также, что можно, в сущности, все проблемы рассматривать как единую психическую систему с внутренними структурами и, применив немного профессионального мастерства и руководствуясь мотивацией клиента, можно найти доступ к психотравмированной психической части, имеющей более или менее определяющее значение для получения положительных результатов при оказании психологической помощи.

Изучение феноменологии комплексных психических травм различного психогенеза позволило определить направления оказания помощи, которая направлена на восстановление: способности чувствовать себя в безопасности и эмоционально комфортно в отношениях; способности устанавливать полноценные взаимоотношения с другими (с помощью эмпатического взаимодействия); когнитивных навыков, необходимых для развития самосознания; навыков саморегуляции; чувства личных границ; возможности сохранить свои ценностные ориентации и жизненный смысл; возможности сохранять самообладание при стрессовых ситуациях и избегать регулярного регресса; возможности испытывать полноценный спектр эмоций, не проявляя эмоциональные нарушения.

Улучшение понимания себя и жизненных ситуаций стимулирует собственную активность человека и обеспечивает его прогресс в усвоении нового позитивного опыта. Профессиональные знания показывают, что только понятые и обоснованные психотерапевтическим контекстом психические структуры человека обеспечивают восприятие содержательного аспекта их травматических переживаний. Если смысл не понят, наличие цели не обосновано фактами, а результат помощи не проанализирован совместно с психотерапевтом и в достаточной мере не проинтерпретирован, то изменения и переносы зачастую происходят безуспешно.

В процессе консультирования при наличии психоэдукации (обучение лично необходимым для конкретного человека первичным знаниям в области психологии

и психотерапии) обратившиеся за помощью очень быстро узнают, что зачастую можно вспомнить лишь часть психотравматического переживания в рамках произошедшего события [Gaby Breitenbach, Harald Requardt, 2012]. Диссоциации, исполняя роль защитных механизмов, являются причиной того, что опасные для жизни или невыносимые для психики переживания лишь фрагментарно сохраняются в памяти в форме различных категорий на уровнях физиологического восприятия или эмоционального отождествления и что лишь кропотливая работа в рамках психотравмотерапии позволяет впоследствии найти семантические значения или иногда установить их, сделав определенные выводы о пережитых событиях.

«Мнимо нормальная личность» – это категория регуляции, которая постоянно пытается забыть о психической травме, отрицать ее существование и сделать так, чтобы она никогда не происходила. Эмоциональная включенность – это, напротив, именно та часть состояния, которая позволяет восстановить и заново в процессе психотерапии пережить и переосмыслить травматическое событие. Когда эта часть проявляет себя, у детей и взрослых возникают интрузии или их переполняют яркие воспоминания о прошлом. В зависимости от степени влияния долговременных комплексных посттравматических расстройств на личность и вследствие этих бесчисленных негативных психофизических воздействий могут проявляться разные проявления психотравматизации, которые реализуются на когнитивно-поведенческом и эмоционально-личностном уровнях. Помимо вышеописанной общей субъективной удовлетворенности, критерием психического выздоровления человека является также степень вновь обретенной способности человека к интеграции с социальной средой.

Список литературы

- Защиринская О. В. Социально-коммуникативные последствия психических травм в контексте детско-родительских отношений // Система социальной защиты населения в условиях изменяющегося общества: сохранение и развитие человеческого потенциала: Материалы XX окружных научных социальных чтений. – Сургут, 2015. – С. 33–38.
- Breitenbach G., Requardt H. *Komplex-systemische Traumatherapie und Traumapädagogik*. Mit einem Beitrag von Katharina Drexler. KrÖning. 2012. – 297 p.
- Fischer G. *Kausale Psychotherapie. Ätiologieorientierte Behandlung psychotraumatischer und neurotischer Störungen*. Asanger, Kröning, 2007. – 653 p.
- Hantel-Quitmann W. *Klinische Familienpsychologie. Familien verstehen und helfen*. Hogrefe, 2015. – 253 p.
- Kypta G. *Burnout erkennen, überwinden, vermeiden*. Heidelberg, 2011. – 311 p.
- Sachsse U. *Traumazentrierte Psychotherapie. Theorie, Klinik und Praxis*. Mit einem Vorwort von Luise Reddemann. – Schattauer. 2009. – 450 p.
- Vogt R. *Täterinterviews. Giagnostik und Behandlungsmodelle dissoziativer Strukturen*. – KrÖning. 2012. – 273 p.

Обсуждение доклада Защириной О.В.

Роксана Сергеевна Бондаревская Уважаемая Оксана Владимировна! Тема психологических травм очень актуальна для специалистов, работающих с семьями в трудной жизненной ситуации. Скажите пожалуйста, в Вашей статье использованы только иностранные источники информации, как Вы оцениваете отечественные

публикации по Вашей теме? Например, по психологии экстремальных ситуаций (Ю.С. Шойгу). Как Вы оценивает способность системы социальной помощи оказывать поддержку семьям военнослужащих, психологически травмированных в горячих точках?

Оксана Владимировна Защиринская Уважаемая Роксана Сергеевна! Согласна с вами, что военнослужащие, прошедшие горячие точки нуждаются в психологической и психотерапевтической поддержке. В психологии существует особое направление – психология экстремальных ситуаций. В МЧС и армии работают группы психологов, прошедших специальную подготовку для работы с такими видами травм. Члены семей военнослужащих льгот на получение психологической и психотерапевтической помощи не имеют и получают психологическую помощь на общих основаниях.

Татьяна Леонидовна Гуливанова Уважаемая Оксана Владимировна! Возможно ли, с целью профилактики возникновения психических травм у ребенка после развода родителей, обеспечить информационное взаимодействие государственных органов и социальных служб. К сожалению, социальные службы, как правило, имеют дело с семьями, где подобные ситуации доходят до критической стадии.

Оксана Владимировна Защиринская Уважаемая Татьяна Леонидовна! Действительно, социальные службы призваны и занимаются ситуациями, имеющими выраженный кризисный потенциал. Профилактикой разводов занимаются, как правило, семейные психологи. Если в такой семье растет ребенок, то, как правило, обращаются еще и к детскому психологу за консультацией. Современная практическая психология накопила большой и разнообразный опыт работы в этом направлении.

Плетнев Александр Владиславович

кандидат социологических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского университета МВД РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Представленная статья посвящена наиболее актуальным и ценным для практики социологическим теориям, обосновывающим истоки социальных рисков. Прежде всего, речь идет об аномии личности-индивидуальном состоянии, которое способно приводить к девиациям и преступлениям.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АНОМИИ КАК ИСТОЧНИКА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНСКОГО РАЙОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Социальные риски являются крайне обширной и неоднозначной темой для изучения. Значительная часть социальных рисков это, по сути, риски возникновения делинкветного, девиантного и преступного поведения. Социологи могут изучать эту проблему с позиций теории социального контроля, критической теории, Чикагской школы, теории постмодернизма, теории субкультур и. т. д. Рассмотрение социальных истоков рисков с каждой из этих позиций могло бы стать темой для серьезной и объемной научной работы. Мы же сосредоточим свое внимание на теории аномии, которая в современной социологии является

доминирующим направлением при объяснении социальных истоков любого вида девиации.

Наиболее общепризнанной концепцией аномии является концепция Мертона, согласно которой аномия возникает в случае, если человек не может достигнуть желаемого законным способом. Иначе говоря, заданные культурой цели недостижимы предоставленными обществом средствами их достижения [Winfree, 2009].

Хотя изучению различных видов социальных рисков посвящено множество научных работ и программ практических действий, по сути, многие эти работы не имеют актуальной теоретической базы. Это связано, прежде всего, с тем, что в России пока еще неизвестны многие современные англоязычные теории.

В отечественной литературе аномия трактуется, прежде всего, как социальное явление. Российские ученые и практики используют концепции Э. Дюркгейма, Р. Мертона, С. Месснера, Р. Розенфельда и пр. При этом концепции аномии личности отечественными учеными не используются. Если социальная аномия по сути является массовым кризисом, вызванным ослаблением или неопределенностью норм и ценностей, то аномия личности является психосоциальным стрессом на уровне индивида. Аномия личности представляет собой отражение социальной аномии и проявляется как чувство разочарования, одиночества и бесцельности.

Отсутствие у отечественных ученых интереса к аномии личности следует считать огромным упущением, поскольку она является не менее важным феноменом, чем социальная аномия. По сути, обращаясь к этому вопросу, мы рассматриваем один процесс с различных точек зрения. И западные исследователи это прекрасно понимают [Hagan, 2010]. Опираясь на «теорию напряжения» Р. Мертона, они рассматривают психологически обусловленные причины этого явления и привлекают собственно теории аномии на уровне личности.

Такая концепция была предложена в работах Роберта Макайвера и Девида Рисмена. Макайвер понимал аномию как «разрушение чувства причастности индивида к обществу» [MacIver, 1950]. Аномия по Макайверу – это такое состояние личности, когда индивид «оторван от своих моральных корней, у него нет больше каких-либо норм поведения, а остались только разрозненные побуждения, у него больше нет представлений о целостности, о единстве народа, о долге» [MacIver, 1950]. Согласно Макайверу, в любую историческую эпоху определенные люди могут впасть в состояние аномии. Однако современное демократическое общество особенно сильно способствует появлению аномичных индивидов благодаря тому, что в нем проявляются конфликт культур, капиталистическая конкуренция и быстрый темп социальных перемен. Эта концепция отлично подходит для объяснения ситуации в российском обществе, которое подверглось сильнейшим преобразованиям после отказа от социализма.

Основываясь на этих трех отличительных характеристиках современного общества, Макайвер соответственно выделяет три типа личностной аномии:

- 1) когда жизнь индивидов становится бесцельной по причине отсутствия значимых ценностей;
- 2) когда они используют свою энергию и возможности только для себя;
- 3) когда они лишены значимых межличностных связей и взаимоотношений.

В Калининском районе, крупном районе Санкт-Петербурга, описанная концепция может быть использована, прежде всего, для работы в школе и для совершенствования

деятельности специалистов по социальной работе, специалистов по работе с семьёй, социальных педагогов, имеющих дело с детьми и подростками. Аномия приводит к увеличению уровня подростковой девиации и преступности (т. е. рискам). Соответственно специалистам, работающим с молодежью, необходимо учиться помогать молодежи искать значимые жизненные ценности, выстраивать социальные связи и использовать свои силы для полезной, созидательной деятельности.

Автор другой концепции Дэвид Рисмен рассматривал аномию как неприспособленность человека к жизни в обществе. Причиной этой неприспособленности является несоответствие характера индивида типичному характеру той эпохи, в которой он живет. Согласно типологии Рисмена в любом обществе встречаются «ориентированные извне», «ориентированные изнутри» и «традиционно ориентированные» индивиды. В результате определенная часть людей, «которые не соответствуют типу характера, преобладающему в данном обществе, могут быть либо аномичными, либо автономными» [Riesman, Reuel, Glazer, 1950, p. 287].

Автономные люди способны приспосабливаться к господствующим в обществе поведенческим нормам, они могут сами решать, соответствовать этим нормам или нет. Если же людям не удастся приспособиться к общественным нормам, они становятся аномичными. Аномичные индивиды руководствуются иными нормами, не соответствующими общепринятым нормам и характеру эпохи. С этой точки зрения специалисты практики Калининского района могут рассматривать аномичных как дезадаптированных.

В современном обществе, главными ценностями которого являются достижение финансового благополучия, известность и победа в конкурентном состязании с другими, комфортно себя чувствуют представители «ориентированного извне» типа. Те индивиды, которые относятся к «традиционно ориентированному» или «ориентированному на себя» типу, часто испытывают одиночество, ощущают себя чужаками в мире, ценности которого они не приемлют.

Впоследствии американский социолог Лео Сроул ввел в научный оборот термин «anomia» для обозначения аномии на личностном уровне. Как отмечает Феофанов в своем обзоре подходов к изучению аномии: «Если на макросоциальном уровне аномия вызывается дисфункциональным отношением между социальными подсистемами (см., например, у Мертона), то на уровне микросоциальном – дисфункциональным отношением между индивидами и этими подсистемами. Последнее является предметом индивидуально-психологического изучения аномии» [Феофанов, 1992, с.89]. Аномия на уровне личности, согласно Сроулу, является социально обусловленным явлением.

Помимо новой постановки вопроса, Сроул выделил признаки личностной аномии, используя которые можно измерить ее наличие у конкретного индивида.

Согласие с одним из пяти следующих утверждений, по мнению Сроула, говорит о наличии у индивида личностной аномии в определенной сфере:

1) Я чувствую, что влиятельные фигуры в обществе равнодушны к моим запросам и нуждам.

2) В обществе, где нет порядка и неизвестно, что случится завтра, мало чего можно добиться.

3) Шансов достигнуть важнейших для меня жизненных целей все меньше.

4) Что бы я ни делал, получается, что жизнь проходит мимо.

5) Я все больше убеждаюсь в том, что не могу рассчитывать на дружескую поддержку со стороны моего непосредственного окружения[Srole, 1956].

Для практиков Калининского района шкала аномии Сроула может стать простым и удобным инструментом выявления индивидов и групп, склонных к аномии и, как следствие, к девиантному поведению. Шкала Сроула может быть модифицирована для выявления аномии в конкретных сферах жизни индивида (профессиональная, школьная и пр.).

Наиболее современной и практически полезной теорией аномии является общая теория напряжения Агню, которая «написана на социально-психологическом уровне: она фокусируется на индивиде и его или её непосредственной окружающей социальной среде – хотя отдельные положения этой теории и затрагивают процессы на макроуровне»[Agnew, 1992, p. 48]. Основной заслугой Агню стало то, что общая теория напряжения включает и другие источники возникновения социально-психологического напряжения, кроме мертоновского рассогласования между целями и средствами их достижения.

Причиной возникновения аномии на микроуровне может служить отрицательная оценка индивида значимой для него группой. Например, у представителей молодежи главным фактором возникновения социально-психологического напряжения могут стать плохие результаты в спортивных соревнованиях, негативное отношение со стороны представителей противоположного пола, низкие оценки в школе. Источником аномического напряжения на уровне личности всегда являются «негативные взаимоотношения с другими, иначе говоря, взаимоотношения, в которых индивида не воспринимают так, как ему хотелось бы, чтобы его воспринимали» [Agnew, 1992, p. 50].

Согласно Агню социально-психологическое напряжение у индивида возникает, когда другие люди:

1) Препятствуют индивиду достичь положительно оцениваемые им цели или гипотетически могут это сделать.

2) Лишают индивида полезных, позитивно оцениваемых стимулов или создают потенциальную угрозу такого лишения.

3) Предоставляют индивиду вредные, негативно оцениваемые стимулы или могут их предоставить впоследствии[Agnew, 1992].

Первый тип напряжения, который, помимо концепции Агню, рассматривается во всех «теориях напряжения», можно условно разделить на три вида[Agnew, 1992]. Первый вид: несоответствие между стремлениями индивида и реалистичными ожиданиями. Особенно это рассогласование характерно для представителей низшего класса, которые прекрасно понимают, что даже упорным трудом они вряд ли смогут осуществить свои самые амбициозные планы, поскольку доступ к финансовым и иным ресурсам для них сильно ограничен. Второй вид: несоответствие между реалистичными ожиданиями индивида и фактическими результатами его деятельности. Аналитическое разделение желаний индивида на идеальные и реалистичные в теории Агню позволяет лучше понять причины возникновения аномического напряжения. Если индивид не в состоянии достичь свои идеальные цели, то он не склонен сильно расстраиваться, поскольку понимает, что они отчасти утопичны. В то же время неспособность индивида осуществить

свои реалистичные планы вызывает агрессию, гнев и сильно расстраивает его. Третий вид: несоответствие между реальными результатами деятельности индивида и представлениями индивида о том, какими должны быть эти результаты по принципу справедливости. Возникновению аномии в данном случае способствует ощущение, что богатые и успешные люди достигли своего преуспевающего положения нечестными, незаконными средствами. Такое ощущение толкает индивида к мысли о возможности совершения им противозаконного поступка.

Второй тип напряжения, по Агню, – устранение от индивида позитивных стимулов – может возникнуть в том случае, когда индивид теряет или может утратить что-либо ценное и значимое для него (потеря друга, развод родителей, потеря работы).

Третий источник аномического напряжения – предоставление индивиду негативных стимулов – также часто приводит к проявлению девиантного поведения. Можно привести множество примеров как отрицательно оцениваемых стимулов, так и ситуаций, в которых индивиды пытаются их избежать. К отрицательным стимулам относятся: физическая боль, стрессовые ситуации, агрессия со стороны других людей. Стремление избежать отрицательно оцениваемых стимулов можно обнаружить в поведении любого человека. В качестве примера можно привести ученика школы, который пытается скрыть от родителей плохие оценки, или работника, не желающего встречаться со своим начальником [Agnew, 1992].

Теория Агню позволяет лучше понимать причины возникновения преступности и девиации. На её основе можно создавать принципиально новые программы преодоления и профилактики этих явлений.

В целом для специалистов социальной сферы Калининского района знание современной теоретической базы социологии позволяет лучше понимать состояние личности индивида под влиянием развития психосоциального стресса – аномии. Это позволяет проводить более методически и методологически корректные исследования, писать более результативные программы профилактики социальных рисков.

Список источников

Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии. // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 89.

Agnew R. Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory. 2006. Roxbury Pub., Los Angeles. p. 51-86.

Agnew R. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency // Criminology 1992 vol. 30. № 1. p.47-87.

Hagan F. Introduction to criminology: Theories, methods, and criminal behavior. SAGE Publications, Thousand Oaks 2010. 576 p.

MacIver. R. M. The Ramparts We Guard. Macmillan, New York, 1950. p. 84.

Riesman D., Reuel D., Glazer. N. The lonely crowd. New Haven: Yale University Press, 1950. p. 287.

Srole L. Social integration and certain corollaries: an exploratory study. // American Sociological Review 21. 1956. p. 712-713.

Winfrey L. T. Understanding crime. Wadsworth, Cengage learning. 2009. 448 p.

Обсуждение доклада Плетнева А.В.

Наталья Федына Правильно ли я поняла, что любой человек, который согласен хотя бы с 1 утверждением Сроула, имеет склонность к аномии и девиантному поведению?

Александр Владиславович Плетнев Здравствуйте, Наталья. По сути, верно. Согласие с одним из пунктов опросника свидетельствует о склонности к аномии. Как правило, при проведении опроса степень согласия дифференцируется от «совершенно верно» до «совершенно неверно». Что касается девиации, то статистически аномия приводит к девиантному поведению. Но это не означает, что аномичный индивид непременно станет совершать девиантные поступки.

Наталья Федына Добрый день, Александр, Владиславович!

Методика разработана в Америке. Вы считаете возможным перенос методики на наш менталитет без адаптации?

Александр Владиславович Плетнев Здравствуйте. Адаптировать её необходимо в плане того, чтобы переформулировать некоторые слова и выражения в вопросах. Содержательно же она нам вполне подходит.

Юлианна Валерьевна Матисс Добрый день! Возможно ли использовать данные методы при работе с гражданами, ранее условно осужденными, для предупреждения повторных преступлений? Спасибо!

Александр Владиславович Плетнев Здравствуйте. При работе с условно осужденными можно использовать технологии, направленные на снижение аномии. Подобная работа приведет к уменьшению вероятности возникновения девиантного поведения среди представителей этой группы.

Нина Павловна Андреева С интересом прочла Ваш доклад, пробежалась по шкале Сроула и отметила, что на три вопроса из пяти ответила положительно. Не молодая, вполне сформировавшийся человек и вряд ли могу ждать от себя каких-либо особенных сюрпризов (хотя...чем черт не шутит). Но, как я поняла, склонность к аномии ведет девиантному поведению то есть к агрессии. Если условно сопоставить ее с тревожностью, то у тревожности есть еще одно противоположное проявление кроме агрессии - замкнутость. Можно ли назвать ее "другой стороной медали" социальной аномии и так же источником социальных рисков?

Александр Владиславович Плетнев Здравствуйте, Нина. Существует целый ряд концепций, которые интерпретируют аномию личности как одиночество или оторванность от общества. На эту тему много писал отечественный социолог Никита Покровский. Поэтому да, замкнутость вполне можно считать проявлением аномии и источником ее негативных последствий.

Ирина Сергеевна Назаренко Добрый день! Как вы считаете, можно ли переносить опыт американского социолога на нашу действительность? Ведь процессы, происходящие в обществах далеко не идентичны, то что считается проявлением личной аномии в Америке, у нас таковым возможно не будет (заинтересовала шкала Сроула личной аномии).

Александр Владиславович Плетнев Здравствуйте, Ирина. Я убежден, что американский опыт в условиях нашей культуры вполне применим. Об этом свидетельствуют многочисленные кросс-культурные исследования аномии, проведенные в рамках концепции Сроула, концепции институциональной аномии и пр. Эти исследования охватывали в том числе и азиатские общества. К тому же в

современной России накоплен определенный эмпирический опыт изучения аномии, который свидетельствует об адекватности наших теоретических представлений социальной практике.

Полина Леонидовна Смирнова Добрый день. В чем состоит профилактика социальных рисков основанная на изучении состояния личности индивида под влиянием аномии?

Александр Владиславович Плетнев Здравствуйте, Полина. Проводя профилактику аномии личности (т.е. одиночества, утраты ценностей, оторванности от общества....) мы предотвращаем появление ее негативных последствий (девиации, преступности, демографических проблем...). Для каждого аспекта аномии личности можно написать конкретную технологию социальной работы.

Татьяна Леонидовна Гуливанова Уважаемый Александр Владиславович! Есть какие-либо данные о практическом использовании шкалы аномии Сроула в Калининском районе? Насколько результативна эта методика? Спасибо.

Александр Владиславович Плетнев Здравствуйте, Татьяна. Об использовании опросника Сроула в Калининском районе мне неизвестно. Это открывает нам определенный простор для творчества. Об эффективности этого опросника свидетельствует то, что социологи во многих странах используют его уже более 50 лет.

Котова Светлана Аркадьевна

кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики начального образования и художественного развития ребенка РГПУ им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Бекетов Валерий Юрьевич

Преподаватель Союза помощи Молодежи «Велленбрехер» (Дортмунд Германия)

Аннотация

Доклад посвящен актуальной проблеме профилактике социальных рисков на этапе подросткового возраста. Представлены результаты экспериментального исследования особенностей социокультурного развития школьников 7-8-х классов. Определены маркеры зоны риска развития, пути и формы профилактической работы.

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКОВ

Проблемы современного общества характеризуются ростом асоциальных явлений, низкой социальной активностью молодежи, ослаблением воспитательной функции семьи. Данная ситуация вынуждает систему образования усиливать свой воспитательный потенциал, искать новые воспитательные средства и методы. Воплощением этих стремлений стали национальная концепция «Наша новая школа», «Закон об образовании РФ» и «Концепция духовно-нравственного воспитания».

Противоречивость и многополярность мира затрудняют его осознание подростком. Подростки в силу возрастных особенностей являются наименее защищенной от социальных изменений частью общества. Социальная ситуация развития подростка очень сложна, так как представляет переход от детства к самостоятельной и ответственной взрослой жизни. В этот период формируется «чувство взрослости»: подростки хотят, чтобы к ним относились как к взрослым.

Ребенок требует суверенности, независимости, уважения к своим тайнам, внутреннему миру. Происходящее расширение сознания связано с поиском «Я идеального» и сопровождается постоянным критическим анализом «Я реального», повышенной потребностью в общении, самоутверждении, самостоятельности и независимости от взрослого; развитием способности к самовоспитанию и саморазвитию; выстраиванием системы внутренних моральных ценностей. Этап вступления ребенка в подростковый возраст хорошо характеризует Г. С. Абрамова: «Вступив в этот возраст, человек сталкивается с тайной своего изменчивого Я, постоянно ускользающего от него же самого. Для сохранения Я необходима огромная работа по его построению, если хотите, по выстраиванию» [Абрамова, 1999, с.398]. А. Г. Асмолов отмечает, что общение и коммуникативная компетентность наиболее востребованы в этом возрасте. Ребенок, не имеющий достаточной коммуникативной компетентности, неизбежно окажется аутсайдером» [Асмолов, 2014]. Переживания подростка, его попытки самоидентификации и самореализации приводят к агрессивности в общении как со сверстниками, так и со взрослыми, частой смене настроения, ослаблению интереса к учебе, отказу от помощи родителям, конфликтности, доходящей до нарушений общественного порядка.

Трудности переходного периода проявляются ярко в особенностях развития социальной сферы: вызывающее поведение в общественных местах; появление различных увлечений, которые затягивают подростка, где он себя реализует; личностная нестабильность откладывает отпечаток на дружеских отношениях, которые становятся некрепкими и недлительными; появляется референтная (значимая) группа; возникновение интереса и установление первых взаимоотношений с подростками другого пола; обостряются черты характера (акцентуации); эмоциональная неустойчивость и аффективная окрашенность действий приводит к частым конфликтам; наблюдается личностная нестабильность во взглядах, в эмоциях, в поступках подростка.

Нерешенные проблемы подросткового возраста отражаются на неуклонном росте числа трудновоспитуемых и снижением возрастного уровня вовлекаемых в «группы риска» детей. По статистическим данным за 2014 год, в России только на медицинском учете было зарегистрировано более 500 тысяч наркозависимых людей. Из них более 60% наркоманов – молодые люди в возрасте от 17 до 35 лет, 20% – дети, школьники и только 15% – люди старше 35 лет. По данным ВЦИОМ (Всероссийский центр исследования общественного мнения) за 2014 г., озабоченность россиян проблемой наркомании за год возросла в полтора раза (с 29% в июне 2013 г. до 42% в июне 2014 г.), при этом в большей степени эта тема волнует жителей городов-миллионников (54%) [Пресс-выпуск № 2623].

Важным аспектом образовательной практики становится повышение качества социокультурного образования, профилактика и сдерживание роста отклоняющегося поведения. М. Н. Филатова дает следующее определение: «Социокультурное развитие подростков – это процесс воспитания социально значимых личностных качеств (целеустремленности, инициативности, самостоятельности, коммуникабельности, гражданской ответственности, сознательности, гуманности, духовности). В ходе данного процесса учащиеся приобретают знания о социальных нормах и культурных ценностях. У них

формируются коммуникативно-поведенческие навыки на основе взаимоуважения, сотрудничества» [Филатова, 2013, с.10].

Несмотря на то, что проблема девиантного поведения глубоко проработана в зарубежной и отечественной научной литературе (Э. Кречмер, Т. Парсонс, Г. Г. Татарова, Д. И. Фельдштейн, М. Е. Позднякова, С. А. Беличева, Е. В. Змановская и др.), эффективные пути профилактики и коррекции еще окончательно не определены. Тенденция роста отклонений в молодежной среде указывает на недостаточную изученность ее отдельных аспектов, а также причин формирования девиантного поведения как реакции подростка на неприемлемые им социальные условия. Открытым остается вопрос применения социокультурных технологий в целях профилактики девиантного поведения подростков в учреждениях общего и дополнительного образования.

Целью нашего исследования стало изучение социокультурной и смысложизненной направленности подростков, выявление риска формирования отклоняющегося поведения. Предметом исследования – специфика социокультурного развития подростков с риском формирования девиаций.

Учитывая, что применение комплекса разнообразных методик позволяет с большей точностью определить уровень психологической культуры личности, личностных предпочтений, значимых отношений и наличие девиантного поведения, нами были применены следующие методики и психологические тесты:

1. Наблюдение за поведением подростков в среде сверстников.
2. Модифицированный тест МПДО (по А. Е. Личко) для определения признаков акцентуаций [Модифицированный опросник...].
3. Методика «Потребность в поисках ощущений» (М. Цукерман) с целью установления выраженности стремления к рискованному поведению [Дмитриев, Белов, Парфенов, 2010].
4. Методика «Психологическая культура личности» (О. И. Мотков; Т. А. Огнева) для определения особенностей социального развития [Мотков, 1999].
5. «Карта интересов» (модифицированная методика А. Е. Голомштока) для изучения потребностной сферы подростков [Грецов, Азбель, 2012].
6. Авторский опросник по выявлению интересов учащихся, разработанный в соответствии с задачами исследования.

Исследование проводилось в 2016 году на базе ГБОУ СОШ № 167 Центрального района г. Санкт-Петербурга. Выборка испытуемых: группа проблемных и нормативно развивающихся подростков 7-8-го классов. Общая выборка составляет 33 человека, из них: 7-ой «Б» класс – 20 человек (13 девочек, 7 мальчиков); 8-ой «Б» класс – 14 человек (5 девочек, 9 мальчиков). Возраст испытуемых: 7-й класс – 13 лет, 8-й класс – 14 лет.

Результаты изучения выраженности акцентуаций у испытуемых подростков представлены в табл. 1.

Таблица 1. Выраженность акцентуаций у испытуемых подростков по тесту МПДО (А. Е. Личко), в абсолютных данных и %

Тип акцентуации	7-й класс	8-й класс	Всего
Гипертимный тип	2 – 20%	3 – 37,5%	5 – 27,7%
Циклоидный тип	2 – 20%	-	2 – 11,1%
Лабильный тип	6 – 60%	2 – 25%	8 – 44,4%
Астено-невротический тип	2 – 20%	1 – 12,5%	3 – 16,6%
Сенситивный тип	6 – 60%	2 – 25%	8 – 44,4%
Тревожно-педантический тип	-	1 – 12,5%	1 – 5,5%
Интровертированный тип	2 – 20%	2 – 25%	4 – 22,0%
Возбудимый тип	2 – 20%	1 – 12,5%	3 – 16,6%
Демонстративный тип	3 – 30%	4 – 50%	7 – 38,8%
Неустойчивый тип	-	-	-
1-2 признака	6 – 60%	5 – 62,5%	11 – 61,1%
Совокупность более 2-х признаков	4 – 40%	3 – 37,5%	7 – 38,8%

Из таблицы 1 видно, что более половины обследуемых имеют тенденцию к развитию акцентуаций. 60% испытуемых характеризуются одним-двумя признаками, остальные имеют риск развития смешанных форм отклонений. Средний показатель по 7-му классу – 5,4, а по 8-му классу – 5,1. Наиболее выраженными акцентами в поведении выступают сензитивность, лабильность и демонстративность, что соответствует возрастным рискам [Модифицированный опросник...]. Статистическая разница между классами отсутствует, хотя в 8-м классе представленность определенных акцентуаций у учеников ярче, чем в 7-м классе. Данная методика позволила нам отобрать учащихся группы риска (в 7-м классе – 4 человека, в 8-м классе – 3 человека) с наиболее высоким показателем акцентуированности.

Результаты диагностики потребности в ощущениях представлены в таблице 2, рисунке 1. На рисунке 1 представлен средний показатель по выборке.

Таблица 2. Выраженность потребности в поисках ощущений у подростков, в %

	7-й класс	8-й класс	Средний показатель по выборке
Высокий уровень (11-16 баллов)	3–15%	4 – 30,7%	21, 3%
Средний уровень (6-10 баллов)	17–85%	7 – 54%	72,7%
Низкий уровень (1-5 баллов)	-	2 – 15,3%	6%

В исследуемой группе наблюдается преимущественно средний уровень потребности в поисках ощущений (72,7%). Встречаются учащиеся и с повышенной и с пониженной потребностью к риску.

У учащихся выделенной группы риска отклонений (в обоих классах) мы наблюдаем достаточно высокий уровень потребности в поисках ощущений. Этот уровень характеризуется сильным влечением к новым ярким впечатлениям, которое может провоцировать испытуемого на участие в рискованных мероприятиях. Средний показатель подростков 7-го класса с выраженной акцентуацией – 7,8%. Средний

показатель подростков 8-го класса с выраженной акцентуацией – 13,6%. Мы видим, что степень личностной проблемности у восьмиклассников выше.

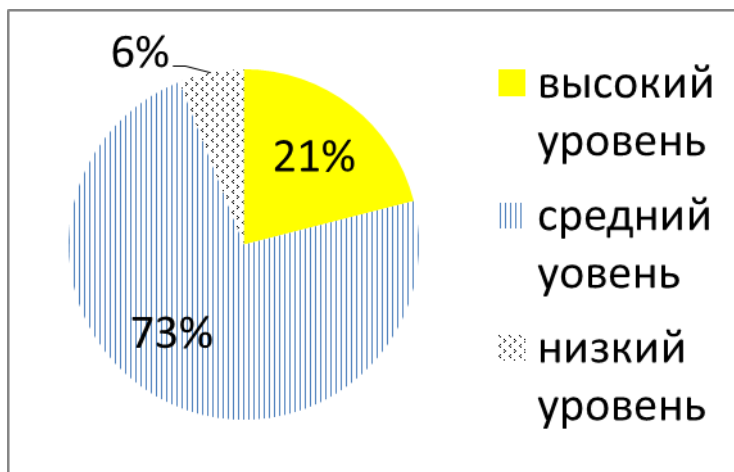

Рисунок 1. Соотношение выраженности потребности к риску у подростков в поисках ощущений, в %.

Результаты, полученные по методике «Психологическая культура личности», представлены в таблице 3 и рисунке 2 (представлен средний показатель по выборке).

Таблица 3. Результаты методики «Культурно-психологический потенциал», в абсолютных данных и в %

	7-й класс	8-й класс	Средний показатель по выборке
Высокий уровень	6 – 30%	7 – 54%	39,3%
Средний уровень	11 – 55%	5 – 38%	48,5%
Низкий уровень	3 – 15%	1 – 8%	12, 2%

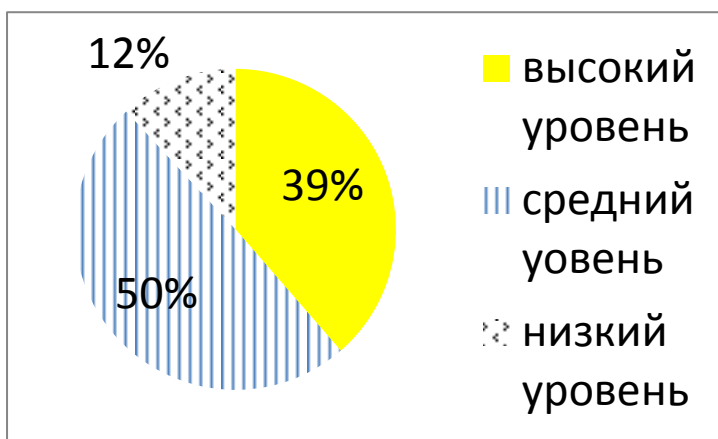

Рис 2. Распределение испытуемых по выраженности культурного потенциала, в %.

Обработка результатов методики «Культурно-психологический потенциал» показала, что в выборке подростков доминирует средний уровень, но при этом значительное число подростков (39,3%) достигают высокого уровня. Общий уровень

психологической культуры подростков группы риска разный. Средний показатель подростков группы риска 7-го класса – средний (35,5), а подростков 8-го класса – высокий (40,3). Наиболее проблемные показатели: у семиклассников – недостаточная саморегуляция и низкая степень творческой активности, у восьмиклассников – низкая степень самопознания и саморганизованности.

Результаты по методике «Карта интересов» показали, что четких профессиональных предпочтений у большинства подростков не сформировано, интересы расплывчаты и охватывают широкие профессиональные области. Полученные данные дают возможность определить некоторые предпочтения подростков группы риска и делают работу по профессиональному самоопределению подростков крайне актуальной.

Дополнительный опросник по выявлению интересов и предпочтений учащихся, составленный на основе задач исследования, дополнил данные предыдущей методики

и объективировал противоречивость социокультурного развития подростков. Более 55% подростков в социальных ситуациях часто испытывают чувство неловкости, 36,5% часто испытывают скуку, 52% не нравится работа по дому, 80% избегают участия в общественной жизни, 43% не склонны к групповой работе и сотрудничеству, 34% не любят изготавливать что-либо своими руками, 21% считают не обязательным выполнять школьные домашние задания. Противоречивость развития подтверждают и данные подростков группы риска. У детей группы риска в целом по опроснику больше отрицательных ответов на вопросы, чем положительных, что свидетельствует о уже реальных адаптационных проблемах как в учебной, так и семейной жизни. 71% подростков группы риска испытывает чувство неловкости, что в 1,5 раза выше, чем в группе нормативно развивающихся. 87,5% заявляют, что склонны к групповой работе и сотрудничеству, но при этом они подозрительны и недоверчивы (им нравятся только открытые и понятные люди), склонны к ригидному поведению по привычным шаблонам, не готовы брать на себя ответственность за принимаемые решения. Стараются выполнять домашние задания, но при этом не любят проявлять самостоятельность, выполнять домашние обязанности и нести ответственность за совершаемые поступки.

Наше исследование показало следующее.

1. Более половины обследуемых имеют тенденцию к развитию акцентуаций. 60% испытуемых характеризуются одним-двумя признаками, а около 40% имеют риск развития смешанных форм отклонений.

2. Наиболее выраженными акцентами в поведении выступают сензитивность, лабильность и демонстративность, что соответствует возрастным рискам. Статистическая разница между классами отсутствует. Хотя в 8-м классе представленность определенных акцентуаций ярче, чем в 7-м классе.

3. Диагностика потребности в поисках новых ощущений (М. Цукерман) показала, что в исследуемой группе наблюдается преимущественно средний уровень потребности в поисках ощущений (72,7%). Встречаются учащиеся и с повышенной, и с пониженной потребностью к риску. У учащихся с риском отклонений (в обоих классах) мы наблюдаем достаточно высокий уровень потребности в поисках ощущений. Этот уровень характеризуется сильным влечением к новым ярким впечатлениям, которое может провоцировать испытуемого на участие в рискованных мероприятиях. У всех учащихся выделенных групп обоих классов мы наблюдаем высокий уровень потребности в ощущениях.

4. Из данных методики «Психологическая культура личности» установлено, что в выборке доминирует средний уровень, но при этом значительное число подростков (39,3%) достигают высокого уровня. Общий уровень психологической культуры подростков группы риска разный. Средний показатель подростков группы риска 7-го класса – средний (35,5), а подростков 8-го класса – высокий (40,3). Наиболее проблемный показатель у семиклассников – недостаточная саморегуляция и низкая степень творческой активности, у восьмиклассников – низкая степень самопознания и саморганизованности.

5. По результатам диагностики «Карта интересов» (А. Е. Голомштока) оказалось, что четких профессиональных предпочтений у большинства подростков не сформировано, интересы расплывчаты и охватывают широкие профессиональные

области. При этом большинство подростков высказывают первичное желание заниматься в факультативах и кружках для расширения своего образования.

6. Исследование выявило противоречивость социокультурного развития подростков. Были обнаружены проблемы социальной адаптации как в учебной, так и в семейной жизнедеятельности. У подростков группы риска адаптационные проблемы более выражены, чем у основной группы подростков, что проявилось в большем количестве отрицательных ответов на большинство задаваемых вопросов. Они демонстрировали явный уход от самостоятельности и ответственности, стремление укрыться в толпе сверстников.

Основываясь на данных исследования, мы пришли к выводу, что социокультурная деятельность в условиях учреждений дополнительного образования может стать эффективным звеном в социализации и самореализации личности подростка, а также профилактическим фактором развития девиантного поведения. Потенциал профилактических программ, как средства профилактики позволяет нивелировать психологические барьеры, стимулировать социальную адаптацию подростка и формировать альтернативные девиантным поведенческие навыки.

На основе анализа подходов А. Г. Петрынина, А. Д. Гонеева, М. А. Павлова, Г. И. Макарычева, Е. В. Змановской, Д. И. Фельдштейна и результатов исследования мы пришли к выводу, что при разработке социокультурной профилактической программы для подростков группы риска необходимо учитывать следующие аспекты:

1. Деятельность педагога должна опираться на положительные качества подростка и создание атмосферы успеха. Воспитательный процесс должен основываться на взаимном доверии и уважительных взаимоотношениях.

2. Учитывать как типологические, так и индивидуальные социокультурные потребности несовершеннолетних.

3. Программа должна быть направлена на формирование жизненных позиций, уверенности в себе, профессиональной ориентации и построения целеполагания будущего.

4. Предполагать обязательное вовлечение подростков в общественно - полезную социокультурную деятельность.

Использованная литература

Абрамова Г. С. Возрастная психология: Учеб. пособие для студ. Вузов. - 4-е изд., стереотип. - М.: Издательский центр «Академия», 1999. - 672 с.

Асмолов А. Г. Дополнительное персональное образование в эпоху перемен: сотрудничество, сотворчество, самотворение. - № 2 (64) 2014 Образовательная политика. URL: <http://edupolicy.ru/wp-content/uploads/2014/07/Asmolov> Дата обращения: 20.05.1016.

Пресс-выпуск № 2623. ВЦИОМ (Всероссийский центр исследования общественного мнения). URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114889>

Филатова М.Н. Социокультурное развитие учащихся в учреждении дополнительного образования детей: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 - Москва, 2013.

Модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков (Тест МПДО (по А. Е. Личко). URL: <http://psylab.info/>

Дмитриев М. Г., Белов В. Г., Парфенов Ю. А. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. (Части 1-3). - СПб.: ЗАО «ПОНИ», 2010. – 316 с.

Мотков О. И. Методика «Психологическая культура личности»/ «Школьный психолог», 1999. - № 15. - С. 8-9.

Грецов А. Г., Азбель А. А. Психологические тесты для старшеклассников и студентов. - СПб.: Питер, 2012. – 208 с.

Обсуждение доклада Котовой С.А. и Бекетова Ю.В.

Роксана Сергеевна Бондаревская Здравствуйте, уважаемые коллеги! Очень бы хотелось узнать, какие особенности современных подростков (в сравнении, например, с подростками 80-х), Вы связываете с компьютеризацией и "интернетализацией" информационной среды? Что в этом плане показывает ваше исследование?

Мария Николаевна Губина Уважаемая Роксана Сергеевна! Готова поделиться своими наблюдениями. Я, работая с подростками в подростково-молодежном клубе, заметила за своими подопечными такие особенности. Они целый день "висят" в сети смартфона, но стоит им прийти на большое концертное мероприятие (например, мы ходили на симфонический концерт), уже через полчаса у всех начались жалобы на головную боль, некоторым было тяжело даже смотреть на сцену. Концентрация на одной точке в смартфоне или компьютере, мне кажется, вызывает у детей симптомы хронической усталости, они тяжело воспринимают яркие длительные образы и звуки из реальной жизни, тем более, когда имеет место эффект "погружения" в такую яркую реальную среду, как на концерте. Второе, общение с помощью социальных сетей приводит детей к деградации правописания, так как в соц. сетях принято неграмотно писать, дабы не комплексовать по этому поводу. Заметила, что мои подопечные, которые неграмотно пишут и разговаривают косноязычно.

Светлана Аркадьевна Котова Уважаемая Роксана Сергеевна! Ни лонгитюд, ни сравнительное исследование мы не проводили. Наше исследование представляет пилотный срез современной социокультурной ситуации подростков мегаполиса. Проблемы "компьютеризации" и "интернетализации" подростковой среды в данном исследовании не изучались. Тем не менее можем рекомендовать ознакомиться с нашими ранними публикациями: 1. Котова С.А. Ребенок и новое информационное пространство // Детство в глобальном информационном пространстве: Мат-лы 14 Междунар. конф. "Ребенок в современном мире: "Конфликт поколений в контексте информационной глобализации", СПб, 2007. - с.78-81.

2. Котова С.А. Проявления компьютерной аддикции у выпускников начальной школы // Естественно-математическое образование в системе начального школьного образования /Мат. Всерос. н.конф. 27-28 марта 2009г. - СПб.: изд-во ТЕССА, 2009. - С.139-149.

3. Котова С.А. Ребенок в новом информационном пространстве // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития /Под ред. А.Е. Войскунского - М.: Акрополь, 2009. -С.223-236.

4. Котова С.А., Бекетов В.Ю. Проблемы влияния Интернета на подростков//Информационное пространство и дети: образовательные возможности и манипулятивные воздействия. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2016. - С.463-466.

Харламов Валентин Станиславович

кандидат юридических наук, эксперт СПб ГБУ «Городской информационно-методический «Семья» (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

В докладе представлен сравнительный анализ преступных посягательств несовершеннолетних Санкт-Петербурга и Российской Федерации в период 2000–2015 годов. Рассмотрена криминальная пораженность подростковой преступностью в федеральных округах России. Представлен облик несовершеннолетнего преступника.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ И ЮНЫХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

«Каково посеешь, таково и пожнешь» (Фольклор)

Дети – драгоценный резерв любой страны, ее надежда и потенциал. От безопасности и благополучия подрастающего поколения зависит судьба всего общества и стабильность государства. В детстве, по сути, закладывается грядущее.

Личности несовершеннолетних наделены особыми психофизическими и социальными признаками. Растущий детский организм ребенка плохо защищен от внутренних и внешних неблагоприятных для него воздействий, что приводит к быстрому нарастанию конфликта с окружающими, нарушениям требований норм и правил. Подрастающему поколению свойственна повышенная активность. Активизация девиантного (отклоняющегося) поведения детей вызывает неоднозначную реакцию взрослых, зачастую негативную. Стремление самоутвердиться, доказать окружающим свои способности реализуется как в позитивных, так и неправомерных проявлениях, вплоть до криминальных. Повышенная требовательность старшего поколения к молодым людям способна трансформироваться во взаимное непонимание. Попытки уйти от контроля взрослых и реализовать свой детский интерес чреваты противостоянием, доходящим до распространенного конфликта поколений. В культуре разных народов данная проблематика находит отражение в виде взаимоотношений разнонаправленных социумов, таких как «отцы и дети», «предки и молодежь». Опасен конфликт поколений нарушением общественной сплоченности и стабильности, отчуждением и дезадаптацией детей, их делинквентностью и суицидом.

Отношение государства к противоправному поведению несовершеннолетних является индикатором гуманности и цивилизованности общественных отношений. Подростковому криминалу уделяется достаточно значительное внимание в отечественной и зарубежной науке: психологической, педагогической, юридической, социологической [Базарова, 2009; Гишинский, 2004; Ильина, 2006; Комарницкий. Основы..., 2011; Кон, 1997; Лукичев, 1997; Пудовочкин, 2004; Рахманова, 2010; Щеглова, 1996; Radbill, 1978]. Круг деяний, признаваемых противоправными, формируется государственными органами. По российскому законодательству подросток может быть привлечен к уголовной ответственности с 14 лет и к административной ответственности с 16 лет. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет считаются деликтоспособными, т. е. лично несут ответственность за ряд противоправных проступков и отвечают за имущественный вред, причиненный своими действиями.

Каковы показатели современной подростковой преступности в России? По сведениям официальной статистики Российской Федерации, в начале XXI века, в период 2000–2015 гг., в России отмечается неуклонное снижение массива преступлений, совершенных детьми (более чем в три раза) и числа несовершеннолетних участников преступлений (более чем в три раза). Динамика петербургской подростковой преступности в анализируемый период коррелирует с общероссийской динамикой, за исключением 2015 года (см. таблицу 1).

Таблица 1. Показатели криминального поведения подростков в России и Санкт-Петербурге*

Криминальные показатели	Годы			
	2000	2005	2010	2015
Российская Федерация				
Число преступлений, совершенных детьми и при их соучастии, ед.	195 426	154 734	78 548	61 833
Удельный вес преступлений, совершенных детьми и при их соучастии, от общего числа раскрытых преступлений, %	8,9	9,1	5,5	2,7
Число несовершеннолетних участников преступлений, ед.	177 851	149 981	72 692	55 365
Доля несовершеннолетних участников преступлений в общем числе лиц, выявленных за совершение преступления, %	10,2	11,6	6,5	5,2
г. Санкт-Петербург				
Число преступлений, совершенных детьми и при их соучастии, ед.	4350	1209	657	805
Удельный вес преступлений, совершенных детьми и при их соучастии, от общего числа раскрытых преступлений, %	4,5	4,8	1,9	2,8
Число несовершеннолетних участников преступлений, ед.	3517	1331	711	793
Доля несовершеннолетних участников преступлений в общем числе лиц, выявленных за совершение преступления, %	6,7*	7,1	2,9	3,3

* Источники: Ежегодник «Состояние преступности в России». М.: ГИАЦ МВД России. 2000, 2005, 2010, 2015. Ф. 451 КН.82, Ф.578. КН.2; Российский статистический ежегодник: Стат. сб./Росстат. М., 2010, 2015

**расчетные данные.

Одна из значимых детерминант существенного снижения показателей подростковой преступности, на наш взгляд, связана с уменьшением численности детского населения в XXI веке. Согласно сведениям директора научного Центра здоровья детей РАМН академика Баранова А.А., по состоянию на 2015 год число подростков за последние 15 лет сократилось на 40 % [<https://ru.wikipedia.org/wiki...>]. В таком мегаполисе как Санкт-Петербург стало меньше на 135,9 тыс. несовершеннолетних петербуржцев. Другая важная причина сокращения рассматриваемых показателей обусловлена повышением комплексного профилактического воздействия на криминальные проявления в детской среде. Так, в XXI веке в России и в регионах стал функционировать институт Уполномоченных по правам ребенка. По состоянию на 2015 год соответствующая должность введена в 83 регионах РФ. Ранее в России такого института не существовало. Сформирована

система органов опеки и попечительства, не имеющая аналогов в предыдущем XX веке. Для профилактики правонарушений в подростковой среде и в семье в разных регионах России в 2008–2011 годах созданы и действовали в составе органов внутренних дел подразделения со специализированными должностями (школьный инспектор, семейный инспектор, семейный инспектор-психолог, инспектор по семьям). В нынешнем веке в России реализуются важные законодательные акты федерального и регионального значения, оказывающие концептуальное влияние на борьбу с детским криминалом, в частности: Федеральный закон от 24.06.1999 № 20-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»; Указ Президента РФ от 01.07.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»; Закон Санкт-Петербурга от 19.02.2014 № 48-14

«О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью, физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию несовершеннолетних в Санкт-Петербурге и внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» и др.

На основе классификации региональных особенностей подростковой преступности, предложенной криминологом Г. И. Забрянским [Забрянский Г. И., 1997, с. 125-143], условно можно выделить следующие уровни криминальной пораженности от преступлений подростков в регионах России: низкий уровень криминальной пораженности региона (до 1000 ед.); средний уровень криминальной пораженности региона (от 1000 до 1500 ед.); высокий уровень криминальной пораженности региона (свыше 1500 ед.). Результаты предложенной классификации позволяют констатировать, что азиатская часть России (Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа) отличается повышенной криминогенностью детей. В определенной степени подтверждается вывод профессора Я. И. Гилинского: криминальная активность несовершеннолетних достаточно точно отражает социально-экономические условия существования регионов [Гилинский Я. И., 2010].

В 2015 году на территории Санкт-Петербурга несовершеннолетними было совершено 805 преступлений. Максимальное количество детских преступлений зарегистрировано в крупных районах города, таких как Калининский (91 деяние), Приморский (90 деяний), Красносельский (60 деяний), где проживает больше несовершеннолетних по сравнению с другими районами города (см. рис.1) [Информационная..., 2016].

Какова структурная картина подростковых преступлений в России и в Санкт-Петербурге? Следует обратить внимание, прежде всего, на относительную стабильность соотношений доминирующих преступлений несовершеннолетних. Известный криминолог А. В. Комарницкий, анализируя официальную статистику, установил, что и в 2006 году, и в 2010 году в структуре совершенных подростками преступлений в России преобладали кражи (51,2% в 2006 году и 53,1% в 2010 году); грабежи и разбои (19,0% в 2006 году и 17,1% в 2010 году); убийство и покушение на убийство, изнасилования и покушение на изнасилования, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (3,0% в 2006 году и 2,4% в 2010 году). В последующий период в России сохранились основные пропорции доминирующих детских

преступлений: около половины всей массы – тайное хищение чужого имущества; каждое шестое – грабежи и разбои [Астахов, 2015, <http://www.homekid.ru...>].

В начале XXI века наиболее распространенными общественно опасными деяниями лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, по сведениям исследователя Р. А. Леонова, также являлись деяния против собственности (78,4%) [Леонов Р.А.]. В то же время деяния против общественной безопасности и общественной нравственности составили 15,3% и против личности – 2,3%. На долю всех иных общественно опасных проступков приходилось 4,0%. Для лиц младшего возраста (до 11 лет) характерны кражи, уничтожение чужого имущества, вандализм. Похищались преимущественно деньги, сотовые телефоны, одежда у сверстников и их родителей, у работников школы. Лица в возрасте 11–13 лет, наряду с вышеперечисленными общественно опасными деяниями, иногда совершали грабежи, угоны, причиняли тяжкий вред здоровью. Отмечается закономерность: чем меньше возраст, тем более распространена корыстная мотивация.

В структуре подростковой преступности Санкт-Петербурга преобладали в 2015 году имущественные преступления. В общем массиве преступлений, совершенных в 2015 году подростками в мегаполисе, чуть более половины (54,0%) относятся к кражам. Несовершеннолетние совершали преимущественно кражи товаров из магазинов и гипермаркетов, а также тайные хищения мобильных телефонов. В указанный период около 10% преступлений приходилось на грабежи и разбои: подростками совершено 73 грабежа и 32 разбойных нападения. Следует отметить, что в 2015 году в мегаполисе по каждому двенадцатому преступлению (8,6%) криминальная активность детей была направлена на своих сверстников. Из рассматриваемых криминальных проявлений в более половине случаев (57,1%) сверстникам причинялся вред здоровью различной степени тяжести, а четверть преступлений (25,9%) носила имущественный характер. Всего в 2015 году число совершенных подростками преступлений, причинивших вред здоровью различной степени тяжести, составило 65 проявлений (8,1%) от общей массы преступлений юных петербуржцев. Примечательно, что последний показатель возрос на 36,0% по сравнению с 2014 годом. В городе также возросло количество наркопреступлений на 16,0%: в 2015 году этот показатель составил 145 криминальных проявлений (18,0%) от общей массы преступлений юных петербуржцев. Кроме того, в истекшем году на территории Санкт-Петербурга зарегистрировано 30 преступлений, совершенных иностранными несовершеннолетними гражданами. Из указанного количества 23 криминальных проявления (76,7%) совершены подростками государств-участников СНГ и 7 (23,3%) – несовершеннолетними гражданами дальнего зарубежья. Важно отметить: в структуре преступлений, совершенных подростками-иностранцами, 30,0% составляют имущественные преступления и 18,0% наркопреступления. Ежегодный показатель удельного веса подростковой преступности в Санкт-Петербурге относительно стабилен. Он не превысил за последние шесть лет значение в 2,9%, зафиксированное в 2013 году (см. таблицу 3). В 2015 году удельный вес подростковой преступности мегаполиса составил 2,8%. Динамика ежегодного массива рассматриваемых преступлений в анализируемый период свидетельствует о волнообразной кривой данного показателя с максимумом в 2013 году (847) и минимумом в 2010 году (657). По итогам 2015 года в городе детьми совершено 291 общественно-опасное деяние до достижения ими возраста, с которого наступает

уголовная ответственность. Участниками указанных преступлений стали 349 несовершеннолетних. Из общего числа выявленных в 2015 году преступников доля подростков, совершивших преступления, составила 3,3% (Россия – 5,3%). На протяжении последних лет указанный показатель в Санкт-Петербурге стабильно ниже общероссийского. В период 2010–2015 годов его экстремальные значения находились в пределах 2,9%-3,8% (Россия – 5,3%-6,5%).

Таблица 2. Отдельные показатели детской преступности в Санкт-Петербурге в период 2010-2015 годов*

Показатели	Годы					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Удельный вес подростковой преступности, %	1,9	2,6	2,4	2,9	2,8	2,8
Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, ед.	657	760	681	847	768	805
Численность несовершеннолетних участников преступлений, чел.	711	846	758	849	854	793
Доля несовершеннолетних, совершивших преступления %	2,9	3,8	3,5	3,7	3,7	3,3
Количество общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними до достижения возраста уголовной ответственности (на территории СПб), ед.	333	270	370	317	355	291
Численность участников преступлений до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность (на территории СПб), чел.	392	327	249	363	404	349

* данные Федеральной службы государственной статистики и ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Заслуживает внимания тот факт, что в XXI веке произошли определенные изменения досуга подростков: несовершеннолетние стали проводить длительное время в виртуальном пространстве, их уличное времяпрепровождение сократилось. Важно заметить, что интегрирование подростков в компьютерные технологии повышает криминогенность их поведения, поскольку киберпреступления высоколатентны. Так, реальный массив преступлений, предусмотренных ст. 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей», более чем в сорок раз (40,77) превосходил в начале XXI века (2001-2006 гг.) их фактически регистрируемое количество согласно расчетам российских ученых [Латентная..., 2007]. Оперативно раскрывать преступления в сфере компьютерной информации органы правопорядка пока не в силах: отсутствует надлежащая материальная база. Поэтому следует признать, что, с повышением эффективности борьбы с преступлениями рассматриваемой категории, неизбежен рост официальной статистики по киберпреступлениям. Можно ожидать перетекание в будущем латентной составляющей данной статистики в официально регистрируемую. По оценке ученых, уровень преступности в этой возрастной группе в целом оценивается в 3-4 раза более высоким, чем отражаемый статистикой [Комарницкий. Преступность..., 2011, Волгарева, 2013].

В нынешнем столетии, по верному замечанию ученого криминолога А.В.Комарницкого, изменилась социальная база отечественной преступности несовершеннолетних, повысился ее интеллектуальный потенциал. Если в 2000-2001 годах наиболее криминально пораженным альянсом несовершеннолетних являлись неработающие и неучившиеся (92,8%), то в 2010 году – учащиеся и студенты (69%)

[Комарницкий, 2011]. В 2015 году в стране в числе осужденных подростков преобладали также учащиеся и студенты (68%). Каждый шестой подросток из числа осужденных был ранее судим, а каждый седьмой осужден за совершение преступного посягательства в состоянии опьянения. В период 2000–2015 годов доля девушек среди преступников-подростков относительно стабильна и колебалась в пределах 7%-11%. Постоянно высок процент групповой преступности несовершеннолетних, который колебался в рассматриваемый период в пределах 20%-50%. Будучи непонятыми взрослыми, дети бегут из дома и сплываются в группы для самосохранения и самовыражения. Свое несогласие с окружающим миром некоторые члены этих групп выражают в форме девиантного поведения. Замечено, что чем меньше возраст подростков, то тем они чаще совершают общественно опасные деяния в группах. По мнению экспертов, дети в составе групп совершали преступления в 2-2,5 раза чаще, чем взрослые.

По сведениям Судебного департамента Санкт-Петербурга, в 2015 году в мегаполисе за совершение преступлений осуждены 276 несовершеннолетних. Примечательно, что в указанный период к подросткам были применены меры уголовных наказаний преимущественно в виде условного осуждения к лишению свободы. В Санкт-Петербурге из 276 осужденных привлечены к данной мере наказания 193 несовершеннолетних (70,0%). В целом по России к данной мере уголовного наказания обращались почти в полтора раза реже (42,7%). Характерно, что в числе осужденных мегаполиса преобладали учащиеся и студенты (74,6%). Около половины городских подростков (41,7%) осуждены в 2015 году за совершение криминальных деяний в группе. Соотношение мальчиков и девочек среди осужденных несовершеннолетних 10/1.

Возрастные особенности выявленных городских подростков, совершивших в 2015 году преступления, таковы, что при их общей численности в 793 человека меньше трети (203 подростка) относится к несовершеннолетним в возрасте 14-15 лет и 590 подростков – в возрасте 16-17 лет. Подавляющее большинство несовершеннолетних, совершивших преступления в 2015 году, впервые нарушили уголовное законодательство. Количество осужденных подростков, ранее совершавших преступления, составило в 2015 году 32 человека (11,6% от общего числа осужденных подростков).

Подводя итог, следует сделать следующие выводы:

азиатская часть России, включающая Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, отличается повышенной криминогенностью детей;

в структуре подростковой преступности в начале XXI века в Санкт-Петербурге и в России в целом преобладали имущественные преступления;

подростковые преступления достаточно латентны;

доминирующими видами мотивации криминального поведения несовершеннолетних выступают: корыстность, стремление самоутвердиться в коллективе, повышенный неоправданный поведенческий риск, подверженность авторитарному влиянию, киберзависимость;

прогнозируется рост нарко- и киберпреступлений детей,

облик несовершеннолетнего преступника – лицо мужского пола, в возрасте 16-17 лет, впервые совершившее преступление, иногда в группе и в состоянии опьянения.

Список источников

- Астахов П. А. Основные статистические данные по вопросам защиты прав и интересов детей (2009-2014 гг.). М., 2015.
- Базарова А. В. Кризисная семья: жестокое обращение с детьми (теоретический и эмпирический анализ). Улан-Удэ, 2009.
- Волгарева И. В. Криминология: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб., 2013.
- Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004.
- Гишинский Я. И. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ // КриминалистЪ. 2010. №2 (7).
- Ежегодник «Состояние преступности в России». М.: ГИАЦ МВД России. 2000, 2005, 2010, 2015. Ф. 451 КН.82, Ф.578. КН.2.
- Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997.
- Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М., 2006.
- Информационная справка о результатах деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав Санкт-Петербурга, СПб.: КЗПиБ СПб. 2016.
- Комарницкий А. В. Основы ювенального права. СПб., 2011.
- Комарницкий А. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: криминологический анализ // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 4. С.94-95.
- Кон И. С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988.
- Латентная преступность в Российской Федерации: 2001 - 2006 / Под ред. С.М. Иншакова. М.:НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007.
- Леонов Р. А. Общественно опасные деяния (проступки), совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2012.
- Лукичев О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: Дис. канд. юр. наук. СПб. 1997.
- Пудовочкин Ю. Е. Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. Ростов н/Д, 2004.
- Рахманова Е. Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации: Дис. д-ра юрид. наук. СПб. 2010.
- Щеглова С. Н. Социология детства. М.. 1996.
- Radbill S.X. A History of Child Abuse and Infanticide / R.E. Helfer and C.H. Kempe. 1978.
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Демографический_кризис_в_Российской_Федерации (дата обращения: 22.05.2016).
- <http://www.homekid.ru/analiticheskie-materialyi-o-polozhenii-detej-i-semej-v-sankt-peterburge.html> (дата обращения: 22.05.2016).

Обсуждение доклада Харламова В.С.

Полина Леонидовна Смирнова Как Вы считаете почему криминальных подростков по указанной статистике больше в Калининском и Приморском районе, с чем это связано?

Валентин Станиславович Харламов Лидерство Калининского и Приморского районов СПб по массиву преступлений несовершеннолетних обусловлено следующими важнейшими обстоятельствами: 1. В указанных районах проживает наибольшее количество подростков в возрасте уголовной ответственности (14-18 лет). Постулат криминологов: где интенсивнее жизнедеятельность в регионах с большой массой населения, там всегда больше криминала. 2. Правоохранительные органы достаточно добросовестно реагируют и фиксируют криминальные проявления детей. В целом, можно назвать еще с десятков причин (от общесоциальных: наличие мигрантов, правовое обучение..., специально-криминологических: крепость дверей и замков... до индивидуальных), но вышеуказанные причины я считаю основными.

Социальная работа: теория, методы, практика.
Материалы интернет-конференций и семинаров.

Выпуск 5

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
РИСКОВ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНСКОГО РАЙОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Том 1.

Тираж 500 экземпляров.

